H. lit. P.
612
V/15

ЕСКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XV-й.

ТИПЫ СКУПОГО
ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОЙ и ИНОСТРАННЫХЪ.

Кубышка, ком. Плавта. — Скупой, ком. Мольера. — Плюшкинъ Гоголя. — Скупой рыцарь Пушкина. — Три характеристики Өеофраста. — Русскія пословицы о скупости.

Изданіе И. Глазунова.

Николай Васильевичъ Гоголь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1893.

Проверено
1949 г.

1946

ПРОВЕРЕНО
Районная библ...

1944

Проверено
1952 г.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач______

8(С) | 26654
П. 43

Типы скупого в произведениях лит-ры русской и иностранных

$\frac{9}{2411}$36 H. lit. P. 612 ^{v} (15

121

[illegible]

БИБЛІОТЕКА
Нижегородского ... Института
Имп... II
Старшій возрастъ.
ПРОДАЖА
2640
Хрон. кат. № 2639

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 24 АПРѢЛЯ 1893 Г. ... ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

1.
ΣЕКЛІОНЪ
2
3.
4.
Е. ПОНОМАРЕВЪ

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ.

---

1) Сцена третья изъ траги-комедіи „Скупой рыцарь", стр. 139. (**Альберъ.** Баронъ, вы лжете!)

2) Евкліонъ, изъ комедіи Плавта: Кубышка; сцена VI, четвертаго акта: („Придумалъ я, куда теперь кубышку запрятать мнѣ").

3) Скупой, комедія Мольера, дѣйствіе второе, явленіе III, стр. 48. (Гарпагонъ, Клеантъ и Лафлешъ спрятавшійся).

4) Плюшкинъ и Чичиковъ, изъ поэмы Н. В. Гоголя: „Мертвыя души", стр. 120. (—„Только, батюшка, ради нищеты то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ:—

— Почтеннѣйшій! сказалъ Чичиковъ: „не только по сорока копѣекъ, по пятисотъ рублей заплатилъ бы"!)

Библіотека
Нижегородскаго Дворянскаго Института
Императора Александра II.
Старшій возрастъ.
Хрон. кат. №

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XV-й.

8(С)
Г.43

ТИПЫ СКУПОГО
ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОЙ и ИНОСТРАННЫХЪ.

Кубышка, ком. Плавта. — Скупой, ком. Мольера. — Плюшкинъ Гоголя. — Скупой рыцарь Пушкина. — Три характеристики Өеофраста. — Русскія пословицы о скупости.

Изданіе И. Глазунова.

Хран. кат. № 2640

Сормовская районная
БИБЛИОТЕКА им. 1 го МАЯ
Ин ент. № 26654

Николай Васильевичъ Гоголь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1893.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Марта 1893 г.

Fg Г 186/2746

Предисловіе.

Въ литературныхъ произведеніяхъ разнаго времени и разныхъ народовъ, встрѣчается нѣсколько изображеній человѣческаго характера на столько общаго типа, что даже случайные признаки повторяются въ каждомъ изъ нихъ. Помимо соображеній о тождественности общечеловѣческаго типа, независимо отъ условій мѣста и времени, тутъ, конечно, имѣютъ свою долю вліянія и заимствованія, какъ посредственныя, такъ и непосредственныя, цѣлыя наслоенія которыхъ могутъ быть наблюдаемы въ одномъ какомъ-нибудь изображеніи, при чемъ заимствованія эти касаются иногда самого объекта художественнаго воспроизведенія, иногда-же лишь внѣшнихъ пріемовъ, такъ сказать, формы его литературнаго изображенія. Нерѣдко такого рода общій типъ, въ своемъ преемственномъ развитіи у нѣсколькихъ писателей, обнаруживаетъ замѣтные слѣды эволюціи,—напр. Эсхиловскій Прометей, перерождающійся въ Прометея Гёте, въ Каина и Манфреда Байрона, въ Демона Лермонтова; Донъ-Жуанъ испанскихъ преданій, открывающій собою рядъ Донъ-Жуановъ: Тирсо-де-Молина, Джилиберто, Доримона, Мольера, Корнеля, Байрона, Пушкина и др. Тщательный анализъ одного изъ подобныхъ общечеловѣческихъ типовъ, въ послѣдовательномъ воспроизведеніи у различныхъ писателей и съ разныхъ точекъ зрѣнія, представляетъ богатый и весьма плодотворный матеріалъ, въ педагогическомъ отношеніи, открывающій возможность по-

знакомить учащагося съ разнообразными пріемами литературнаго изображенія извѣстнаго характера и выяснить значеніе ихъ. Настоящій выпускъ имѣетъ цѣлью доставить матеріалъ для такого именно сравнительнаго изученія типа.

Мы избрали менѣе сложный, а потому болѣе доступный характеръ скупого, представляющійся къ тому-же наиболѣе удобнымъ и въ педагогическомъ отношеніи. Прототипомъ этого характера въ литературѣ слѣдуетъ признать Плавтовскаго Евкліона, которымъ и начинается настоящій выпускъ. Къ сожалѣнію, мы должны были, по причинамъ, понятнымъ каждому, знакомому съ содержаніемъ „Aulularia“, выпустить изъ нея нѣкоторые эпизоды, неудобные для школы, и, приведя лишь наиболѣе характеристическія мѣста, ограничиться изложеніемъ содержанія комедіи. Во всякомъ случаѣ, и въ томъ видѣ, въ какомъ комедія эта напечатана у насъ, личность Евкліона представляется достаточно очерченной. „Скупой“ Мольера приведенъ въ 3-хъ переводахъ: 1-е дѣйствіе въ переводѣ С. Аксакова, 2-е—Ѳ. Устрялова и остальныя три въ нашемъ; различные пріемы передачи подлинника переводчиками могутъ быть тоже предметомъ классной бесѣды. Гарпагонъ — типъ, несравненно полнѣе и искусснѣе созданный, чѣмъ служившій ему образцомъ Евкліонъ; нѣкоторыя мѣста однако, напр. отчаянный монологъ скупого послѣ обнаруженія воровства, представляютъ замѣчательное сходство. Далѣе слѣдуетъ Гоголевскій очеркъ Плюшкина — совершенно оригинальное эпическое изображеніе отрицательныхъ сторонъ скупости, болѣе яркое и полное, затрогивающее и вопросъ о причинахъ возникновенія этой страсти у героя очерка. Четвертый типъ—„Скупой рыцарь“ Пушкина—представляетъ

въ высшей степени трудную художественную задачу, блестящимъ образомъ выполненную поэтомъ: такую низменную страсть, какъ скупость, осмѣиваемую Плавтомъ и Мольеромъ, осмѣиваемую, хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти, Гоголемъ,—Пушкинъ смѣло поднимаетъ до высоты трагическаго величія и рисуетъ намъ страшный образъ барона, во имя призрачнаго величія золота, вступившаго въ упорную борьбу съ самыми лучшими движеніями человѣческаго сердца, съ одной стороны, и лютыми угрызеніями совѣсти, съ другой,—въ борьбу, оканчивающуюся гибелью героя, который падаетъ жертвою нравственныхъ потрясеній. Это—едва-ли не единственный въ литературахъ всѣхъ временъ и народовъ положительный типъ скупого, и сопоставленіе его съ тремя другими отрицательными типами представляетъ весьма удобный случай почти нагляднаго выясненія существенныхъ признаковъ комическаго и трагическаго изображенія жизни. Въ заключеніе, приведены три прозаическія характеристики различныхъ сторонъ скупости изъ сочиненія извѣстнаго греческаго моралиста Ѳеофраста. Книга его была хорошо извѣстна римскимъ комическимъ писателямъ, и весьма возможно, что многія черты Евкліона заимствованы Плавтомъ изъ этихъ характеристикъ. Какъ бы то ни было, сами по себѣ, онѣ представляютъ довольно полный подборъ характеристическихъ признаковъ комической скупости въ ея активномъ (нажива) и пассивномъ (сбереженіе того, что есть) проявленіяхъ,—признаковъ, которые всѣ, въ томъ или иномъ видѣ, встрѣчаются въ приведенныхъ типахъ и указаніе которыхъ учащимися можетъ быть сдѣлано безъ особенныхъ затрудненій.

Затѣмъ, въ качествѣ наиболѣе яркой характеристики избраннаго нами типа, приводимъ изъ богатой сокровищницы народной поэзіи рядъ русскихъ пословицъ о скупости:

Скупой богачъ бѣднѣе нищаго. Вкупѣ богатъ и убогъ.
Скудный нуждается, скупой скудается.
Убогій во многомъ нуждается, а скупой во всемъ.
Убогаго одна нужда гнететъ, скупого двѣ.
Живота не копи, а душу не мори.
Скупые что пчелы: медъ собираютъ, да сами умираютъ.
Скупой запирается крѣпко, а потчуетъ рѣдко.
Деньга лежитъ, а шкура дрожитъ.
Богатъ, какъ Ильинскій сотъ, а живетъ, какъ скотъ.
Богатъ, какъ Крезъ, а живетъ, какъ песъ.
Владѣетъ городомъ, а помираетъ голодомъ.
Онъ надъ копѣйкой дрожитъ.
Онъ съ каждой копѣйкой прощается.
Онъ и съ камня лыки деретъ.
У него отъ скупости зубы смерзлись.
Изъ осьмины четвертины тянетъ.
Изъ песку веревки вьетъ.
Онъ и съ грязи пѣнки снимаетъ.
Шиломъ горохъ хлебаетъ, да и то стряхиваетъ.
На обухѣ рожь молотитъ, изъ мякины кружево плететъ.
У него всякая копѣйка рублевымъ гвоздемъ прибита.
Тутъ мѣшокъ, да въ мѣшкѣ-то ежокъ.
Тороватъ, какъ кремень: обухомъ не ударишь, искры не увидишь.
Огня взаймы не выпросишь.
У него середь зимы льду взаймы не выпросишь.
Перестать отъ злого милости, а отъ скупа помощи искать.
Въ гробъ смотритъ, а деньги копитъ.
Въ могилу глядитъ, а надъ копѣйкой дрожитъ.
Помрешь—ничего съ собой не возьмешь.

Онъ своихъ родителей за чужимъ кануномъ поминаетъ.

Люди собираются молебенъ пѣть—дай и я помолюсь даромъ.

У скупого больше пропадаетъ.

Не жалѣй алтына—отдашь полтину.

Пожалѣешь лычка—не увяжешь и ремешкомъ.

Конь тощой—хозяинъ скупой.

Либо корму жалѣть, либо лошадь.

Изъ одного два сдѣлаешь—оба окоротаешь.

Что скупому въ руки попало, то и пропало.

У скупого что больше денегъ, то больше горя.

Овца руно раститъ, а скупой деньги копитъ—не про себя.

Скупые умираютъ, а дѣти сундуки отпираютъ.

Скупой на тароватаго копитъ.

Скупой копитъ—чортъ мошну точаетъ.

Тароватому Богъ даетъ, а у скупого чортъ таскаетъ.

Скупому душа дешевле гроша.

Скупу человѣку убавитъ Богъ вѣку.

Скрягѣ деньги—что собакѣ сѣно.

Скупость не глупость.

Лучше скуповато, чѣмъ мотовато.

Всѣмъ давать—много будетъ.

Деньга покатно живетъ. Кругла да покатна—уйдетъ.

Лучше свое поберечь, чѣмъ чужое прожить.

Чего немножко, того не мечи въ окошко.

Въ роспускъ веселѣе, а съ зажимой прибыльнѣе.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.
Предисловіе I
I. Кубышка, комедія *Плавта* (изложеніе содержанія) 1
II. Скупой, ком. въ 5 дѣйств. *Мольера*, въ пер. *С. Т. Аксакова*, *Ѳ. Устрялова* и *А. Ч.* 25
III. Плюшкинъ, отрывокъ изъ 1 ч. «Мертвыхъ душъ» *Гоголя*. 99
IV. Скупой рыцарь, сцены *А. Пушкина* 123
V. Характеристики Ѳеофраста: 10. Скупой. — 22. Скряга. — 30. Алтынникъ. 141

I. КУБЫШКА

(AULULARIA).

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

М. ПЛАВТА [1]).

(*Изложеніе содержанія, съ приведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ переводѣ М. П—скаго*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ларъ.
Евкліонъ, старикъ.
Стафила, старуха, его служанка.
Мегадоръ, богатый старикъ.
Евномія, его сестра.
Ликонидъ, ея сынъ.
Стробилъ, невольникъ Ликонида.
Пиѳодикъ, невольникъ Мегадора.
Анѳраксъ, **Конгріонъ** — повара.
Фригія, **Элевзія** — флейтщицы.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ. Театръ представляетъ улицу. Дома Евкліона и Мегадора стоятъ рядомъ. Въ отдаленіи видна роща съ храмомъ богини Вѣрности.

(Комедія начинается прологомъ, въ которомъ Ларъ[2]) разсказываетъ о томъ, какъ дѣдъ того домохозяина, у котораго

---

[1]) Maccius Plautus, знаменитый римскій писатель, авторъ многочисленныхъ комедій, изъ которыхъ дошло до насъ 20, жилъ 254—184 до Р. Х. При жизни еще Плавтъ пользовался большою извѣстностью. Прекрасный языкъ его комедій, рѣзкій юморъ чисто народнаго пошиба, неистощимое веселье шутокъ и остротъ доставили ему славу одного изъ популярнѣйшихъ писателей того времени. Въ западно-европейской литературѣ комедіи его вызвали много подражаній: Мольеръ, Драйденъ, Аддисонъ, Шекспиръ, Лессингъ заимствовали у Плавта сюжеты многихъ своихъ произведеній.

[2]) Лары у римлянъ—добрые духи, пекущіеся о домѣ и всѣхъ живущихъ въ немъ и никогда не покидающіе его. Изображенія ихъ, какъ и пенатовъ, стояли у домашняго очага, гдѣ имъ ежедневно совершалось поклоненіе.

онъ, Ларъ, пребываетъ, ввѣрилъ ему кубышку съ золотомъ и зарылъ ее подъ домашнимъ очагомъ. Старикъ умеръ, не сказавъ сыну о зарытомъ кладѣ; сынъ этого старика холодно относился къ домовому и умеръ, не зная о скрытомъ богатствѣ, оставивъ послѣ себя сына, который былъ такъ-же скупъ на должныя почести Лару, какъ его дѣдъ и отецъ. Но у старика Евкліона, героя комедіи, была дочь Федра, которая, чѣмъ могла, чествовала Лара, и онъ, чтобы наградить ее, устроилъ такъ, что старикъ Евкліонъ нашелъ у себя въ домѣ кладъ, чтобы быть въ состояніи приличнѣе выдать дочь замужъ).

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Евкліонъ и Стафила.

Евкліонъ, (*выгоняя Стафилу изъ дома*).

Пошла! сказалъ тебѣ—пошла отсюда.
Клянусь—сейчасъ пойдешь ты у меня,
Лазутчица глазастая, отсюда!

Стафила.

За что-же бьешь несчастную меня?

Евкліонъ.

Чтобъ ты была дыйствительно несчастной...
Чтобъ не ушла судьбы тебя достойной.

Стафила.

Но изъ дому зачѣмъ-же выгоняешь?

Евкліонъ.

Вотъ такъ сейчасъ и дамъ тебѣ отчетъ,
Избоина! Подальше отъ дверей-то!
Сюда! Смотри, какъ важно выступаетъ!
Не знаешь, что съ тобой сегодня будетъ?!

А вотъ возьму я палку или бичъ—
Такъ и пойдешь не черепашьимъ шагомъ.

Стафила.

Да лучше мнѣ сейчасъ же удавиться,
Чѣмъ у тебя служить...

Евкліонъ.

Еще бормочетъ,
Негодная, ворчитъ себѣ сквозь зубы!
Я выколю глаза тебѣ, клянусь я,
Чтобъ не могла подсматривать за мной.
Иди же!.. ну!.. еще... еще немного...
Довольно! стой!.. И тронься только съ мѣста
На перстъ одинъ, на ноготокъ—не больше,
Да оглянись, пока я не дозволю,
Клянусь, тебѣ на висѣлицѣ быть!
Мнѣ кажется, я съ роду не видалъ
Еще такой разбойницы старухи.
Боюсь ее: она меня обманетъ,
И сдуру я въ ловушку попадусь;
Подстережетъ она, пожалуй, ловко—
Гдѣ золото хранится у меня:
У ней глаза вѣдь есть и на затылкѣ...
Пойти—взглянуть на золото мое:
Сохранно-ли, на мѣстѣ-ли, гдѣ скрыто?
Ужъ какъ-же я, несчастный, этимъ мучусь!

СЦЕНА II.

Стафила.

Что за бѣда съ хозяиномъ стряслась,
И отчего безуміе такое —
Не объяснить и не придумать даже!
О какъ-же я несчастна! Десять разъ
На дню меня выталкиваетъ онъ!
Не знаю, что находитъ на него:

То по ночамъ не дрыхнетъ онъ совсѣмъ,
То дни сидитъ и изъ дому ни шагу,
Ни дать ни взять—хромой башмачникъ сидѣнь...

(Убѣдившись, что все въ порядкѣ, Евкліонъ приказываетъ служанкѣ возвратиться въ домъ, стеречь его и никого не впускать, пока онъ не возвратится. Выйти-же изъ дому хоть и мучительно для него, но необходимо, потому что въ той куріи, къ которой принадлежитъ Евкліонъ, сегодня будутъ бѣднымъ раздавать пособія: не идти за полученіемъ значило-бы заявить о своей состоятельности, о своемъ богатствѣ, чего такъ боится несчастный скряга).

АКТЪ ВТОРОЙ.

(Дѣйствіе начинается бесѣдой—Евкліонова сосѣда, богатаго пожилаго холостяка Мегадора, съ сестрой Евноміей о семейной жизни. Евномія предлагаетъ брату невѣсту съ хорошимъ приданымъ; но онъ отказывается отъ нея, утверждая, что богатыя жены доводятъ мужей до нищеты, заявляетъ, что намѣренъ жениться на Федрѣ, дочери бѣдняка Евкліона. Возвращается Евкліонъ, съ которымъ Мегадоръ начинаетъ бесѣду и проситъ руки Федры. Евкліонъ видитъ въ этомъ предложеніи желаніе Мегадора прибрать къ рукамъ дорогую кубышку и сначала отказываетъ Мегадору, но затѣмъ, заявивъ, что за своею дочерью, по бѣдности, не можетъ дать приданаго, соглашается на этотъ бракъ. Довольный Мегадоръ, порѣшивъ, что свадьба будетъ сыграна въ тотъ-же день, удаляется, а Евкліонъ приказываетъ своей служанкѣ перемыть посуду, чтобы все было готово къ свадебному ужину. Евкліонъ уходитъ на рынокъ за провизіей. Спустя нѣкоторое время, на сценѣ появляется Пиѳодикъ, слуга Мегадора, и нанятые повара Анѳраксъ и Конгріонъ. Мегадоръ закупилъ всѣ припасы для ужина и одну половину ихъ, вмѣстѣ съ поварами и флейтщицей, послалъ въ домъ Евкліона,

а другую оставилъ у себя. Пиѳодикъ привелъ ихъ, въ отсутствіе Евкліона, прямо къ нему въ домъ, гдѣ они дѣятельно и принимаются за приготовленіе къ пиршеству).

СЦЕНА VII.

Евкліонъ, Конгріонъ.

Евкліонъ.

Ну вотъ и я рѣшился прибодриться,
Чтобъ пировать у дочери на свадьбѣ,
И прихожу на рынокъ. Прежде рыбы я
Спросилъ себѣ; но рыба дорога;
Ягнятина—какъ рыба, дорогая;
Говядина, телятина, свинина,
Морская тварь—на все дороговизна,
И дорого, все дорого на рынкѣ,
Что у меня и денегъ не хватало;
И я ушелъ оттуда, разсердившись,
Что ничего купить не привелось...
И торгаши остались не при чемъ;
А самъ съ собой я разсуждалъ дорогой,
Идя домой: не будешь бережливъ,
И что-нибудь ты промотаешь въ праздникъ —
Въ простые дни почувствуешь нужду.
Какъ эту мысль я предложилъ разсудку
И вмѣстѣ съ тѣмъ желудку, мой разсудокъ
Сейчасъ присталъ къ сентенціи моей:
Потратиться, какъ только можно, меньше
На брачный пиръ! И я рѣшилъ купить
Однихъ вѣнковъ цвѣтущихъ, да куренья,
Чтобъ возложить на алтарѣ предъ Ларомъ,
Да ниспошлетъ онъ счастье новобрачнымъ.
Но это что? я вижу, домъ мой отпертъ!
И шумъ внутри!... Я, бѣдный, обокраденъ!

Голосъ Конгріона въ домѣ Евкліона.

„Ступай же ты, въ сосѣдяхъ попроси
Кубышку мнѣ другую, больше этой:
Она мала, и въ ней не помѣстится"...

Евкліонъ.

О горе мнѣ! клянусь, я уничтоженъ!
Воруютъ кладъ, кубышку ищутъ тамъ!
Не поспѣшу туда, такъ и погибъ я!
Молю тебя, великій Аполлонъ!
Приди ко мнѣ на помощь и стрѣлами
Пронзи воровъ сокровища, какъ прежде
Помогъ ты мнѣ въ такой бѣдѣ... Чего же
Я жду еще? погибели конечной?

АКТЪ ТРЕТІЙ.

(Начинается воплями Конгріона, избитаго Евкліономъ, который, по возвращеніи домой, неожиданно засталъ у себя незванныхъ-нежданныхъ поваровъ и флейтщицу).

СЦЕНА IV.

Евкліонъ, (прогнавъ его).

Ушелъ!.. клянусь богами
Безсмертными! Какъ дерзокъ каждый бѣдный,
Хоть чѣмъ-нибудь связавшійся съ богатымъ!
Вотъ, напримѣръ, несчастнаго меня
На всѣ лады пытаетъ Мегадоръ;
И поваровъ, какъ будто для почета,
Послалъ ко мнѣ, а собственно за тѣмъ,
Чтобы меня они обворовали!..
Да и пѣтухъ,—пѣтухъ моей старухи,—
И тотъ меня чуть-чуть не погубилъ!
Придумалъ онъ когтями тамъ копаться,

Гдѣ я зарылъ сокровище мое.
Къ чему слова? Онъ такъ меня разгнѣвалъ,
Что я убилъ его на мѣстѣ палкой,
Какъ явнаго воришку... Мнѣ сдается,
Что повара награду обѣщали
Ему за то, чтобъ тайну имъ открылъ.
Изъ рукъ у нихъ я вырвалъ рукоятку[1])...
Къ чему слова? Не стало пѣтуха...
Вотъ съ форума идетъ и Мегадоръ...
Не пропущу я будущаго зятя;
Позадержу, чтобъ съ нимъ поговорить.

СЦЕНА V.

Мегадоръ, Евклiонъ.

Мегадоръ.

Я о своемъ намѣренiи многимъ
Друзьямъ своимъ подробно сообщилъ,
И всѣ они, хваля мою невѣсту,
Сказали мнѣ, что дѣлаю умно.
Что богачи, женясь на дочеряхъ
Бѣднѣйшихъ лицъ и взявши безприданницъ,
И въ общество согласiе внесутъ,
И зависти не возбудятъ къ богатымъ...
И жены бы поосторожнѣй были,
Да и мужья бы меньше проживались,
И большинству понравилось бы это;
Не по душѣ пришлось бы меньшинству
Изъ алчныхъ лицъ, для жадности которыхъ
Никто не могъ установить границъ,
Ни самъ законъ, ни представитель власти.
Но если мнѣ на это возразятъ,
Что дѣвушкамъ богатымъ не придется

---

[1]) Римская поговорка: въ самомъ-де началѣ уничтожилъ затѣвавшееся дѣло.

Поэтому и замужъ выходить,
Замужество же падетъ на долю бѣдныхъ?
Неправда! Пусть себѣ выходятъ замужъ,
Хоть за кого угодно будетъ,—только
Приданое пусть будетъ въ сторонѣ.
И если бы къ намъ это привилось,
То жены намъ съ собою приносили бъ
Въ приданое улучшенные нравы—
Не жалкое богатство, какъ теперь.
И мулъ, теперь цѣнимый здѣсь дороже,
Чѣмъ добрый конь, спустили бы въ цѣнѣ
Пониже, чѣмъ нѣжный галльскій меренъ [1]).

Евкліонъ.

О боги, какъ его пріятно слушать!
Какъ мило намъ онъ хвалитъ бережливость!

Мегадоръ.

И ни одна потомъ уже не скажетъ:
„Приданое, которое за мной
„Ты получилъ, значительно крупнѣе
„Всего того, что́ было у тебя.
„И вправѣ я разсчитывать на пурпуръ,
„На золото, на женскую прислугу,
„На мальчиковъ разсыльныхъ, провожатыхъ,
„И на мулòвъ съ погонщиками вмѣстѣ;
„Для выѣзда мнѣ нужны колесницы“....

Евкліонъ.

Какъ изучилъ онъ прихоти матронъ!
Вотъ быть кому префектомъ женскихъ нравовъ [2])!

---

[1]) Въ колесницы римскихъ женщинъ запрягались обыкновенно мулы, которые цѣнились дорого вслѣдствіе моды.

[2]) Въ эпоху Плавта, въ Римѣ народный трибунъ К. Оппій издалъ законъ, чтобы остановить роскошь римскихъ женщинъ.

Мегадоръ.

И въ городѣ, куда ты ни заходишь,
Всегда найдешь повозокъ больше въ домѣ,
Чѣмъ на поляхъ, на виллу пріѣзжая....
Но это все еще пустякъ, бездѣлка
Въ сравненіи съ расходами иными....
Суконщикъ ждетъ, золотошвей стоитъ,
И золотыхъ дѣлъ мастеръ поджидаетъ,
И шерстяныхъ матерій фабрикантъ;
И продавцы оборокъ и обшивокъ,
И шьющіе рубашки на матронъ,
И мастера покрововъ брачныхъ красныхъ,
Красильщики въ различные цвѣта—
Въ лиловый цвѣтъ и въ золотисто-желтый,
Поставщики различныхъ рукавовъ,
И продавцы восточныхъ ароматовъ,
Разнощики или ткачи полотенъ,
Поставщики и обуви для дома,
И обуви потребной для прогулокъ....
Стоятъ и ждутъ поставщики сандалій [1]),
Красильщики въ зеленый яркій цвѣтъ,
И мастера наряды мыть и чистить,
И мастера починивать и штопать....
И денегъ всѣ и требуютъ и ждутъ!
Одинъ себѣ уплаты ждетъ за строфій [2]),
Другой стоитъ и денегъ ждетъ за поясъ....
Ну, кажется, раздѣлался со всѣми,
Анъ, смотришь, вновь и лѣзутъ и тормошатъ,
Какъ истые тюремщики въ дверяхъ....
Вѣдь сотни ихъ.... ткачи бахромокъ разныхъ,
Да столяры.... уплачено ужъ всѣмъ!...

---

[1]) Легкая обувь.

[2]) Строфій—родъ корсета, повязка на грудь, надѣвавшаяся сверху рубашки и составлявшая постоянную принадлежность женской одежды.

Подумаешь, раздѣлался со всѣми;
А тамъ, глядишь, опять пришли: за платье
Шафранное еще уплаты ждутъ....
Того гляди, придетъ напасть иная,
Которой вновь потребуется денегъ....

Евклiонъ.

Охотно съ нимъ заговорилъ бы я,
Да все боюсь, что онъ какъ разъ въ началѣ
Прерветъ разсказъ о нравахъ нашихъ женщинъ....
И такъ его не стану прерывать.

Мегадоръ.

Когда расчетъ съ поставщиками вздора
Окончите, приходитъ воинъ сборщикъ
За деньгами. Бѣгутъ сейчасъ къ банкиру [1]),
Считаютъ, а тотъ воинъ, не поѣвшiй,
Стоитъ и ждетъ законныхъ денегъ.
Когда расчетъ сведется у банкира,
Окажется нерѣдко, что супругъ
Уже кругомъ въ долгу передъ банкиромъ,
И воину другой назначенъ день....
Вотъ образцы—да и другихъ не мало,—
И неудобствъ, и тягостныхъ расходовъ,
Какъ слѣдствiе значительныхъ приданыхъ.
Наоборотъ: жена изъ безприданныхъ
Вездѣ всегда во власти мужа будетъ.
Мужьямъ отъ женъ богатыхъ только горе!...
А вотъ сосѣдъ!... Что скажешь, Евклiонъ?

СЦЕНА VI.

Евклiонъ и Мегадоръ.

Евклiонъ.

Слова твои я съ жадностью глотаю....

---

¹) Богатые люди не держали денегъ дома, а отдавали ихъ банкирамъ, у которыхъ и брали, по мѣрѣ надобности.

Мегадоръ.

Такъ слышалъ ты?

Евкліонъ.

Съ начала до конца.

Мегадоръ.

Казалось мнѣ, ты лучше поступилъ бы,
Отпраздновавъ пышнѣе свадьбу Федры?

Евкліонъ.

По средствамъ блескъ и пышность по богатству.
И богачамъ не худо помнить это.
У бѣдняковъ, подобныхъ мнѣ, сосѣдъ,
Не больше средствъ, чѣмъ думаютъ.

Мегадоръ.

И боги
Имущество твое да увеличатъ,
И впредь блюдутъ въ сохранности, что есть!

Евкліонъ.

Ужъ не по мнѣ слова его: „что есть“....
И о моемъ имуществѣ онъ знаетъ,
Какъ видится, не менѣе, чѣмъ я:
Старуха все ему пересказала.

Мегадоръ.

Зачѣмъ же ты разстроилъ нашъ сенатъ [1])?

Евкліонъ.

Да вотъ хотѣлъ тебѣ на видъ поставить
Вину твою.

Мегадоръ.

Вину мою! Какую?

---

[1]) Фигуральное выраженіе, вм.: почему прекратилъ бесѣду со мною.

Евклiонъ.

Какую? Вотъ еще хорошъ вопросъ!
Во всѣ углы жилища моего
Ты натолкалъ воровъ, приславши разомъ
Ко мнѣ пятьсотъ—не меньше—поваровъ,
Людей, какъ всѣмъ извѣстно, шестирукихъ:
Вѣдь всѣ они породы Герiона [1]).
И хоть блюди за ними даже Аргусъ,
Который былъ покрытъ очами весь,
Котораго Юнона посылала
Изъ ревности за Iо сторожить,—
За ними самъ не услѣдилъ бы Аргусъ [2])....
Да флейтщицу еще ко мнѣ прислалъ:
Она одна могла бы выпить цѣлый
Коринѳскiй ключъ Пирены, если бъ онъ
Бѣжалъ съ виномъ.... и слопать всѣ припасы [3])....

Мегадоръ.

На легiонъ хватило бы припасовъ....
Да въ томъ числѣ барашка я прислалъ.

Евклiонъ.

На счетъ его одно я заявляю:
Не видывалъ заботливѣе звѣря.

Мегадоръ.

Желалъ бы я услышать отъ тебя,
Какъ можетъ быть заботливымъ барашекъ?

---

[1]) Великанъ Герiонъ, сынъ Хризаора и Каллирои, имѣлъ, по словамъ поэтовъ, три туловища, слѣд.—три головы, шесть рукъ и шесть ногъ.

[2]) Когда Меркурiй, по приказанiю Юпитера, убилъ Аргуса, Юнона украсила глазами его хвостъ павлина.

[3]) Пирена—источникъ, бѣжавшiй съ горы, на которой стояла Коринѳская крѣпость. Онъ возникъ изъ слезъ, пролитыхъ Пиреной, дочерью Ахелоя, по своемъ сынѣ, убитомъ нечаянно Дiаной.

Евкліонъ.

Онъ исхудалъ, какъ видно, отъ заботъ,
И сдѣлался онъ—кожа лишь, да кости.
Легко гадать, казалось, по нему
И заживо, глядя на свѣтъ: такъ сильно
Бѣднякъ сквозилъ, какъ будто карѳагенскій
Фонарь [1]).

Мегадоръ.

Его купилъ я на убой.

Евкліонъ.

Такъ поспѣши теперь распорядиться
На счетъ его достойныхъ похоронъ....
Конечно, онъ успѣлъ издохнуть....

Мегадоръ.

Знаешь,
Намѣренъ я съ тобой сегодня выпить.

Евкліонъ.

Но я не пью, клянусь....

Мегадоръ.

Сюда велю я
Кувшинъ вина постарше принести.

Евкліонъ.

Не хочется, клянусь! я порѣшилъ
Одной водой довольствоваться.

Мегадоръ.

Я же
Виномъ тебя сегодня накачу,
Какъ слѣдуетъ, суровый водопійца!

---

[1]) Роговые карѳагенскіе прозрачные фонари были въ большомъ ходу въ Римѣ и служили немаловажнымъ предметомъ торговли.

Евкліонъ.

Понятно мнѣ теперь, куда онъ мѣтитъ:
Какъ только онъ виномъ меня уложитъ,
Достигнетъ тѣмъ давно желанной цѣли,
И перейдетъ къ нему моя кубышка....
Остерегусь, подальше перепрячу
Куда-нибудь кубышку.... выйдетъ то,
Что онъ вино и трудъ потратитъ даромъ.

Мегадоръ.

Такъ если я не нуженъ, то пойду
И совершу предъ жертвой омовенье [1].... (*Уходитъ*).

Евкліонъ.

Клянусь, враговъ вы нажили немало,
И ты, моя кубышка дорогая,
И золото, хранимое тобой....
За лучшее считаю я отсюда
Убрать тебя и Вѣрности [2]) довѣрить;
Надежно тамъ тебя я спрячу.... Вѣрность!
Другъ друга мы вѣдь знаемъ хорошо!
Не измѣнись на этотъ разъ, смотри же,
Довѣрчивость мою не обмани.
Къ тебѣ одной, о Вѣрность, прибѣгаю,
Во всемъ вполнѣ надѣясь на тебя.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Первая сцена начинается разсужденіями Стробила, Ликонидова невольника, объ обязанностяхъ вѣрнаго слуги, исполняющаго безпрекословно порученія своего господина. На

---

[1]) По римскому обычаю, ни вступать въ бракъ, ни начинать пашню нельзя было безъ жертвоприношенія, передъ которымъ полагалось омовеніе.

[2]) Храмъ богини Вѣрности въ Римѣ, гдѣ согласно обычаю, нѣкоторые изъ римлянъ хранили свои деньги.

этотъ разъ, господинъ поручилъ ему разузнать, что дѣлается въ домѣ Евкліона, такъ какъ Ликонидъ услыхалъ о помолвкѣ Федры, которую онъ самъ любитъ и на которой желаетъ жениться, съ Мегадоромъ. Въ это время, появляется Евкліонъ, не замѣчающій Стробила).

СЦЕНА II.

Евкліонъ, Стробилъ.

Евкліонъ.

О Вѣрность! ты, надѣюсь, никому
Не сообщишь, что здѣсь мое богатство.
Не страшно мнѣ! его не сыщутъ здѣсь:
Такъ хорошо въ укромномъ этомъ мѣстѣ
Лежать ему. Хорошую добычу
Нашедшему доставила бы эта
Тяжелая отъ золота кубышка!
Но снова я молю тебя, о Вѣрность,
Не допускай до этого!.. Теперь
Пойти было умыться передъ жертвой,
А то какъ разъ я задержу сосѣда,
Который въ мигъ, пославъ увѣдомленье,
И дочь мою проводитъ въ домъ къ себѣ.
И снова я прошу тебя, о Вѣрность!
Въ сохранности мнѣ возврати кубышку!
Вѣдь золото довѣрилъ я тебѣ
И положилъ въ твой храмъ въ твоей же рощѣ.

Стробилъ.

Безсмертные!.. что слышу?.. въ этомъ храмѣ
Онъ золото въ кубышкѣ спряталъ! Вѣрность!
Молю тебя—не будь ему вѣрнѣе,
Чѣмъ мнѣ была! Да мнѣ еще сдается,
Что онъ отецъ той дѣвушки, въ которой
Хозяинъ мой души своей не чаетъ...
Войду я въ храмъ... обшарю все... авось

И кладъ найду, пока его хозяинъ
Пробудетъ здѣсь въ занятіяхъ... О Вѣрность!
Когда найду въ тебѣ сокрытый кладъ,
Я посвящу тебѣ хоть цѣлый конгій[1])
Сладчайшаго напитка, словно медъ...
Хоть поднесу тебѣ, а самъ я выпью.

СЦЕНА III.

Евкліонъ.

А воронъ мнѣ кричалъ не даромъ слѣва...
И землю рылъ когтями онъ, и каркалъ!
И у меня, какъ танцовщикъ какой-то,
Запрыгало, засуетилось сердце,
И выскочить желаетъ... Чего жъ я медлю?

СЦЕНА IV.

Евкліонъ, Стробилъ.

Евкліонъ.

Пошелъ, червякъ, гнѣздящійся въ землѣ!
Изъ-подъ земли не вылѣзалъ ты прежде;
И вылѣзъ ты на гибель наконецъ.
Клянусь, тебя, какъ слѣдуетъ, я встрѣчу,
Обманщикъ!

Стробилъ.

Что?.. Здоровъ ли ты, старикъ?
Что общаго, скажи мнѣ, между нами?
Зачѣмъ меня ты оскорбляешь, тащишь?
За что же ты дерешься?

Евкліонъ.

Негодяй!
Плетей тебѣ! Съ вопросомъ лѣзешь? Ты вѣдь
Не просто воръ, какъ всѣ, а трижды воръ!

---

1) Конгій—$^3/_{10}$ нашего ведра—мѣра жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, равнявшаяся шести секстаріямъ или обыкновеннымъ бутылкамъ.

Стробилъ.

Да что же я укралъ то у тебя?

Евклiонъ.

Отдай сейчасъ!

Стробилъ.

Да что тебѣ отдать-то?

Евклiонъ.

Не знаешь?

Стробилъ.

У тебя по крайней мѣрѣ
Рѣшительно я не бралъ ничего.

Евклiонъ.

А ты отдай, что для себя стянулъ ты!
Ну, что же ты?

Стробилъ.

Да что же?

Евклiонъ.

У меня
Не унесешь!...

Стробилъ.

Чего ты хочешь?

Евклiонъ.

Дай же!

Стробилъ.

Ты, видно, самъ, старикъ, привыкъ давать.

Евклiонъ.

Давай сейчасъ, безъ шутокъ! не шучу я!

Стробилъ.

Да что давать? Скажи сначала толкомъ.
Клянусь тебѣ: я не бралъ ничего,
Ни до чего я даже не касался.

...вская районная библиотека им. 1-го мая Инвент. № 26659

Евклiонъ.

Давай сюда сейчасъ же руки....

Стробилъ.

Вотъ!...

Евклiонъ.

Да вытяни!...

Стробилъ.

Ну, вотъ онѣ!

Евклiонъ.

Я вижу:

А третью....

Стробилъ.

Мой старикъ, какъ видно, бредитъ,
Безумствуетъ, съ ума сошелъ!... Вѣдь ты
Несправедливъ ко мнѣ, старикъ, признайся!...

Евклiонъ.

Дѣйствительно, вполнѣ несправедливъ:
Тебя давно повѣсить нужно было....
Но петли ты и не минуешь, если
Сейчасъ же мнѣ во всемъ не повинишься.

Стробилъ.

Но въ чемъ?

Евклiонъ.

А въ томъ, что ты стянулъ отсюда.

Стробилъ.

Да пусть меня накажутъ боги, если
Хоть что-нибудь унесъ или желалъ
Стянуть.

Евклiонъ.

Теперь встряхни-ка паллiй [1]).

---

[1]) Паллiй—плащъ греческаго покроя.

Стробилъ.

Если

Желаешь ты!

Евклiонъ.

А въ туникахъ [1]) не спряталъ?

Стробилъ.

Ощупай, какъ угодно.

Евклiонъ.

Негодяй!

Невиннымъ онъ прикинулся въ надеждѣ,
Что въ воровствѣ его не заподозрю.
Но хитрости такъ знаю я....
А покажи мнѣ правую-то руку.

Стробилъ.

Ну, вотъ она!

Евклiонъ.

Такъ лѣвую теперь....

Стробилъ.

Да вотъ тебѣ хоть обѣ вмѣстѣ разомъ....

Евклiонъ.

Ужъ я тебя обыскивать не стану:
Лишь возврати...

Стробилъ.

Да что же возвратить?

Евклiонъ.

Напрасно лжешь! Вѣдь ты стянулъ? сознайся.

Стробилъ.

Такъ я стянулъ? Да что же я стянулъ?

---

[1]) Туника у римлянъ исправляла должность нашей рубашки; для защиты отъ холода мужчины надѣвали по двѣ и болѣе туники.

*

Евклiонъ.

Я не скажу, отвѣта не дождешься...
Отдай лишь то, что у меня укралъ.

Стробилъ.

Помѣшанъ ты! Вѣдь ты меня обшарилъ
Со всѣхъ сторонъ и что же ты нашелъ?

Евклiонъ.

Постой, постой! А гдѣ же тотъ другой,
Что былъ съ тобой? клянусь, я погибаю...
Конечно, все онъ перероетъ тамъ!
Не задержи я этого—уйдетъ онъ;
А впрочемъ, я его вѣдь обыскалъ,
И ничего при немъ не оказалось...
Пошелъ, куда глаза глядятъ!

Стробилъ.

Юпитеръ
И боги всѣ тебя да покараютъ.

Евклiонъ.

Не дурно онъ меня благодаритъ!
Теперь пойду и затяну я глотку
И твоему сообщнику. Да что же—
Исчезнешь ты отсюда съ глазъ моихъ?
Уйдешь ли ты? Не хочешь?

Стробилъ.

Ухожу я.

Евклiонъ.

Смотри же, мнѣ впередъ не попадайся! (*Уходитъ въ храмъ*).

СЦЕНА V.

Стробилъ.

Хоть доведись позорной смертью сгинуть,
А подсижу сегодня старика...

И деньги здѣсь онъ не посмѣетъ спрятать,
Съ собой возьметъ, въ другомъ зароетъ мѣстѣ...
А! та-та-та! Ужъ заскрипѣла дверь.
Старикъ несетъ сокровище изъ храма,
И я сейчасъ ко входу проберусь.

СЦЕНА VI.

Евкліонъ, Стробилъ.

Евкліонъ.

Я полагалъ, что Вѣрность безупречна,
И только былъ помазанъ по губамъ!
Не помоги мнѣ воронъ, я бы сгинулъ!
Желалъ бы я, чтобъ воронъ-предсказатель[1])
Явился бы сейчасъ передо мной,
Чтобы я могъ сказать ему спасибо,
А накормить его я не берусь...
Придумалъ я, куда теперь кубышку
Запрятать мнѣ: имѣется мѣстечко
За городской стѣной, и въ сторонѣ
Растетъ лѣсокъ, Сильвану[2]) посвященный,
Густой ивнякъ... на немъ остановлюсь.
Рѣшительно Сильвану больше вѣрю,
Чѣмъ Вѣрности.

Стробилъ.

Ого, ого! да, боги
Рѣшительно ко мнѣ благоволятъ!
Предупрежу сейчасъ же Евкліона,
На дерево высокое залѣзу
И посмотрю—куда онъ спрячетъ кладъ.
Хозяинъ мой приказывалъ мнѣ, правда,

---

[1]) Вòроны и ворòны считались въ древности предвѣстниками—неблагопріятными, если увидѣть ихъ слѣва, и благопріятными, если—справа.

[2]) Богъ лѣсовъ, полей и стадъ, котораго позднѣе смѣшивали съ Паномъ.

Остаться здѣсь, но я рѣшилъ, что лучше
Попасть въ бѣду съ надеждой на барышъ (*уходитъ*).

СЦЕНЫ VII и VIII.

(По удаленіи обоихъ, на сцену являются Ликонидъ съ матерью Евноміей, которую онъ и упрашиваетъ переговорить съ дядей на счетъ Федры; Евномія надѣется, что дядя, узнавъ о любви молодой дѣвушки къ Ликониду, откажется отъ нея въ пользу племянника. Евномія идетъ къ брату, а Ликонидъ, слѣдующій за нею, удивляется тому, что не встрѣтилъ Стробила, которому поручено было дожидаться господина у дома Евкліона. Вслѣдъ за нимъ, мимоходомъ, появляется и Стробилъ, успѣвшій подтибрить кубышку Евкліона и отправляющійся домой, чтобы припрятать благопріобрѣтенное сокровище. По удаленіи его, вбѣгаетъ обокраденный Евкліонъ, успѣвшій замѣтить похищеніе кубышки).

СЦЕНА IX.

Евкліонъ.

Погибъ!.. пропалъ!.. убитъ!.. куда пойду я?
Куда идти не долженъ я?.. Держи,
Держи его!.. кого!.. и самъ не знаю,
И ничего не вижу я!.. слѣпой
Иду!.. куда?.. и гдѣ я, или кто я?..
Не въ силахъ я толково разобрать!
Прошу я васъ, молю я—помогите
И выдайте скорѣе мнѣ того,
Кто у меня укралъ мою кубышку.
Смѣетесь вы, а я, вѣдь, знаю всѣхъ
И знаю я, что здѣсь воровъ немало...
Скрываютъ ихъ наряды и бѣлила...
Сидятъ себѣ и честными глядятъ...
Что говоришь?.. тебѣ я долженъ вѣрить...
Вѣдь ты на взглядъ на честнаго похожъ!

Такъ не у нихъ?.. скажи мнѣ: у кого же?
Не знаешь ты?.. о, горе! я погибъ,
Погубленъ я, безсовѣстно ограбленъ!..
О, сколько же и горя, и печали
Мнѣ этотъ день убійственный принесъ!
И мнѣ грозятъ теперь нужда и голодъ.
Несчастнѣе меня не отыскать
На всей землѣ! И что мнѣ въ этой жизни,
Когда мое сокровище погибло,
Которое такъ ревностно берегъ я...
Я самъ себѣ отказывалъ во всемъ,
И вотъ теперь другіе торжествуютъ
Въ моей бѣдѣ, въ потерѣ невозвратной...
Я этого не въ силахъ пережить.

СЦЕНА X.

(Горькія жалобы Евкліона услышаны въ домѣ Мегадора. Оттуда выходитъ Ликонидъ. Бесѣда между ними, причемъ они долго не могутъ понять другъ друга, такъ какъ одинъ имѣетъ въ виду пропажу своей кубышки, а другой старается склонить отца къ браку своему съ Федрой. Наконецъ, Ликонидъ сообщаетъ Евкліону объ отказѣ Мегадора отъ брака съ его дочерью, и опечаленный этой неожиданностью Евкліонъ уходитъ домой).

АКТЪ ПЯТЫЙ.

(На сценѣ Стробилъ, невольникъ Ликонида, который похваляется своею дорогою находкой, и Ликонидъ, давно ожидавшій его, какъ видно изъ послѣдней сцены предъидущаго акта. Одинъ желаетъ похвастаться предъ господиномъ благопріобрѣтенною кубышкой, съ намѣреніемъ выкупиться на волю, другой желаетъ узнать отъ слуги что-нибудь о Федрѣ. Услыхавъ о находкѣ Стробила, Ликонидъ тотчасъ сообра-

жаетъ, что Стробилъ у Евкліона стянулъ деньги и требуетъ ихъ возвращенія; но Стробилъ, не ожидавшій такой развязки, отказывается отъ своего перваго показанія о находкѣ и говоритъ, что просто пошутилъ, по своему обыкновенію, и что господинъ „ничего болѣе отъ него не добьется".

На этихъ словахъ, прерывается текстъ комедіи Плавта, дошедшей до насъ въ неоконченномъ видѣ. Развязка комедіи однако извѣстна изъ предшествующаго ей „содержанія" (argumentum). Украденная кубышка неожиданно возвращается Евкліону, и онъ, на радостяхъ, соглашается выдать дочь свою за Ликонида).

II. СКУПОЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Ж. П. Мольера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гарпагонъ, отецъ Клеанта и Елизы, влюбленный въ Маріанну.

Клеантъ, сынъ его, предметъ любви Маріанны.

Елиза, дочь Гарпагона, влюбленная въ Валера.

Валеръ, сынъ Ансельма, влюбленный въ Елизу

Маріанна, влюбленная въ Клеанта, предметъ любви Гарпагона.

Ансельмъ, отецъ Валера и Маріанны.

Фрозина, кумушка.

Симонъ, маклеръ.

Жакъ, поваръ и кучеръ Гарпагона.

Лафлешъ, слуга Клеанта.

Клавдія, служанка Гарпагона.

Брендавуанъ, **Ламерлюшъ** — слуги Гарпагона.

Коммиссаръ и его писарь.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ домѣ Гарпагона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ[1]).

ЯВЛЕНІЕ I.

Валеръ, Елиза.

Валеръ. О чемъ вы такъ задумались, милая Елиза? И тотчасъ, послѣ увѣренія въ вашей вѣрности? Вы вздыхаете тогда, какъ я восхищаюсь! Ради Бога, скажите мнѣ, можетъ быть, вы жалѣете, раскаяваетесь въ обѣщаніи, которое вымолила у васъ любовь моя?

---

[1]) Въ переводѣ С. Т. Аксакова.

Елиза. Нѣтъ, Валеръ, какъ можно мнѣ раскаяваться: я повиновалась пріятной власти; я не имѣю твердости и желанія ей противиться; но, сказать вамъ правду, сомнѣваюсь въ успѣхѣ и боюсь, не люблю ли я васъ болѣе, чѣмъ должно?

Валеръ. Ахъ, Елиза!.. но чего вы можете бояться?

Елиза. Всего: батюшкинаго гнѣва, упрековъ моего семейства, осужденій свѣта, но всего болѣе, Валеръ, перемѣны вашего сердца и той убійственной холодности, которою мужчины такъ часто платятъ намъ за невинную и постоянную любовь.

Валеръ. Не оскорбляйте меня, судя обо мнѣ по другимъ, подозрѣвайте меня, въ чемъ хотите, но не въ перемѣнѣ чувствъ. Нѣтъ, я слишкомъ люблю васъ. Любовь моя прекратится только съ жизнью!

Елиза. Валеръ, и всѣ говорятъ то же; на словахъ всѣ люди одинаковы и различаются только одними поступками.

Валеръ. А такъ какъ людей можно только узнавать по ихъ дѣламъ, то, по крайней мѣрѣ, погодите обвинять меня, и судите о моемъ сердцѣ по моимъ поступкамъ. Не убивайте меня оскорбительными подозрѣніями. Прошу васъ, дайте мнѣ время доказать противное: истину и постоянство моей любви.

Елиза. Какъ легко вѣрить тому, кого любишь! Такъ, Валеръ, я вѣрю вамъ. Вы не способны употребить во зло мою довѣренность; вы истинно меня любите и не измѣните; я не сомнѣваюсь въ васъ. Меня безпокоитъ злословіе людей, отъ котораго мы вѣрно не уйдемъ.

Валеръ. Но почему же?

Елиза. Потому, что другіе не могутъ васъ такъ знать, какъ я. Я нахожу въ вашихъ достоинствахъ оправданіе моей склонности; она подкрѣпляется благодарностью, которую и Богъ велитъ питать къ вамъ. Я безпрестанно воображаю себѣ ужасную минуту нашего перваго свиданія; вашу великодушную отважность, пожертвованіе своею жизнію, съ которыми вы спасли меня совершенно утопающую; ваши нѣжныя обо мнѣ попеченія, вашу пламенную любовь, которую ни

время, ни препятствія не уменьшаютъ; которая заставила васъ покинуть отечество, родныхъ, жить здѣсь скрытно, и чтобъ видѣть меня, сдѣлала васъ слугою въ домѣ моего отца. Все это, конечно, должно было на меня подѣйствовать и оправдываетъ въ глазахъ моихъ любовь нашу; но этого мало, чтобы оправдать меня передъ свѣтомъ.

Валеръ. Ко всему, что вы сказали, милая Елиза, надобно прибавить, что ни одна любовь насъ извиняетъ; вашъ батюшка всѣхъ болѣе оправдываетъ насъ и въ глазахъ свѣта. Чрезмѣрная его скупость, его жестокое обращеніе съ дѣтьми, могутъ извинить и не такіе поступки. Простите, прелестная Елиза, что я говорю откровенно — вы знаете, иначе объ этомъ и говорить нельзя! Къ тому же какъ скоро я отыщу моихъ родственниковъ, то намъ не трудно будетъ умилостивить вашего батюшку. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ сегодня извѣстій, и сейчасъ иду самъ навѣдаться, не получены ли они.

Елиза. Ахъ, Валеръ, не уходите отъ меня! старайтесь заслужитъ хорошее мнѣніе батюшки.

Валеръ. О, я очень о томъ стараюсь! вы сами видите, милая Елиза, какое лицо я здѣсь играю, какъ представляю себя совершенно на него похожимъ. Я успѣваю удивительно и служу новымъ доказательствомъ, что есть наилучшій способъ привлекать сердца людей; даже не надо бояться излишества; нѣтъ такой несообразности, глупости, которыя бы не пошли въ дѣло, прикрытыя лестью и похвалами. Надобно признаться, что теперешній мой поступокъ не совсѣмъ честенъ, но имѣя нужду въ человѣкѣ, необходимо къ нему поддѣлываться.

Елиза. Но для чего не стараетесь вы найти себѣ покровителя въ братѣ моемъ? Я того и жду, что кто нибудь изъ слугъ откроетъ нашу тайну.

Валеръ. Угождать обоимъ вдругъ невозможно; образъ мыслей вашего батюшки и братца — совершенная противоположность; а лучше вы, Елиза, съ своей стороны, постарайтесь

его задобрить въ мою пользу. Простите, поговорите съ нимъ теперь же, и откройте ему нашу тайну столько, сколько вамъ покажется нужнымъ.

Елиза. Не знаю, рѣшусь ли я? (*Валеръ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Елиза и Клеантъ.

Клеантъ. Ахъ, какъ я радъ, что нашелъ тебя одну, сестрица! Нетерпѣливо хочу тебѣ открыть важную тайну.

Елиза. Тайну? Я готова ее выслушать. Что хочешь мнѣ сказать?

Клеантъ. Весьма много въ одномъ словѣ. Сестрица — я влюбленъ.

Елиза. Ты влюбленъ?

Клеантъ. Да, я влюбленъ, но не продолжая далѣе, скажу, что очень знаю свою зависимость отъ батюшки, что я, какъ сынъ, долженъ ему повиноваться; что дѣти не должны вступать въ такія обязательства безъ воли родителей; что родители благоразумнѣе могутъ управлять ихъ выборомъ, и что пылкость молодости заводитъ часто насъ въ бѣду. Все это могла бы ты мнѣ сказать, милая сестрица, но я нарочно предупреждаю тебя. Трудъ былъ бы напрасенъ. Любовь моя ничего не хочетъ слушать, но я прошу тебя не доказывать мнѣ противнаго.

Елиза. Братецъ, ты женился?

Клеантъ. Нѣтъ еще, но я рѣшился непремѣнно и заклинаю тебя еще разъ—не противорѣчить мнѣ.

Елиза. Это было бы странно и неприлично съ моей стороны.

Клеантъ. О нѣтъ, милая сестрица! но ты не любила; ты не знаешь этого сладкаго могущества любви надъ сердцемъ, и я боюсь твоего благоразумія.

Елиза. Братецъ, не говори объ моемъ благоразуміи, кто можетъ всегда имъ хвалиться, и если я тебѣ открою мое

сердце, можетъ быть, ты найдешь, что я еще менѣе тебя благоразумна.

Клеантъ. Ахъ, дай Богъ, чтобы твое сердце, какъ и мое...

Елиза. Поговоримъ напередъ о тебѣ. Скажи мнѣ, кого ты любишь?

Клеантъ. Прелестную дѣвушку, которая недавно стала жить на нашей улицѣ; ее нельзя увидѣть, чтобы не полюбить. Природа ничего лучше не создавала, и я съ самаго перваго взгляда влюбился въ нее до безумія. Ее зовутъ Маріанной, она живетъ подъ надзоромъ матери, предоброй женщины, но почти всегда больной. Маріанна рѣдкая дочь; она ухаживаетъ за матерью, утѣшаетъ ее съ такою нѣжностью, что ты, сестрица, разстрогалась бы. Все въ ней такъ прелестно, восхитительно. Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобы ты ее увидѣла.

Елиза. Я довольно вижу изъ словъ твоихъ, братецъ; и чтобы мнѣ вообразить Маріанну совершенно, надобно прибавить, что ты ее любишь.

Клеантъ. Я узналъ, что состояніе ихъ очень небольшое, и что онѣ во многомъ терпятъ нужду. Представь себѣ, милая сестра, какое благополучіе помогать той, которую любишь! Облегчать нужды добродѣтельнаго семейства.... но я не могу ей помогать: скупость отца лишаетъ этого счастья.

Елиза. Я очень чувствую твое положеніе.

Клеантъ. Нѣтъ, милая сестра, никто, даже и ты, не можешь вообразить его. Наконецъ, что можетъ быть несноснѣе того, какъ съ нами поступаютъ? Бѣдность, холодность, ссоры, ругательства переносимъ мы безпрестанно. Къ чему намъ будетъ все богатство, когда пройдетъ время наслаждаться имъ? Чтобъ имѣть возможность существовать, я кругомъ задолжалъ. Не прибѣгаемъ ли мы съ тобой къ разнымъ займамъ, къ помощи купцовъ, чтобъ имѣть на себѣ порядочное платье? Я хотѣлъ просить тебя, что бы ты вывѣдала батюшкины мысли на счетъ моихъ чувствъ. Если онъ будетъ имъ

противиться, я рѣшился оставить батюшку, уѣду съ моей Маріанною; буду искать гдѣ нибудь въ другой части Франціи своего счастія и жить—чѣмъ Богъ пошлетъ. Я хлопочу занять для этого денегъ. Если наше положеніе, милая сестрица, одинаково, уѣдемъ оба, оставимъ батюшку съ его ужасною скупостью и жестокостью. Пора намъ освободиться отъ нестерпимаго его тиранства.

Елиза. Ахъ, съ каждымъ днемъ мы болѣе чувствуемъ потерю нашей доброй матушки и....

Клеантъ. Я слышу его голосъ, уйдемъ; переговоримъ хорошенько о своихъ дѣлахъ и послѣ соединенными силами нападемъ на его упрямство. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Гарпагонъ и Лафлешъ.

Гарпагонъ. Изволь убираться, безъ отговорокъ; вонъ, вонъ отсюда, мошенникъ!

Лафлешъ (*въ сторону*). Я отроду не видалъ такого злого старичишки. Я думаю, самъ чортъ сидитъ въ немъ.

Гарпагонъ. А, что ты ворчишь себѣ подъ носъ?

Лафлешъ. За что вы меня прогоняете?

Гарпагонъ. Пристало ли тебѣ, сорванцу, спрашивать у меня это? Убирайся скорѣе, покуда я тебя не приколотилъ.

Лафлешъ. Да что я вамъ сдѣлалъ?

Гарпагонъ. То и сдѣлалъ, что я хочу тебя выгнать.

Лафлешъ. Вашъ сынъ, а мой господинъ, велѣлъ мнѣ себя подождать.

Гарпагонъ. Дожидайся его на улицѣ, а не въ моемъ домѣ. Прохаживается, какъ часовой, чтобъ вездѣ высмотрѣть и послѣ этимъ воспользоваться. Я не хочу терпѣть шпіона, который проклятыми своими зѣнками такъ и слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ; такъ бы и съѣлъ ими все мое бѣдное состояніе; такъ и шныритъ: нельзя ли чего нибудь стянуть.

Лафлешъ. Чортъ развѣ у васъ что нибудь стянетъ. Да какъ это можно сдѣлать, когда вы всякую бездѣлицу запираете и сами день и ночь на караулѣ?

Гарпагонъ. Я что хочу, то запираю, и когда хочу, тогда караулю—тебѣ что? Вотъ выѣхалъ лазутчикъ, которому до всего дѣло. (*Въ сторону*) Ужъ не пронюхалъ ли онъ чего о моихъ деньгахъ? (*Громко*) Да не хочешь ли ты распустить слухъ, что у меня есть спрятанныя деньги?

Лафлешъ. А у васъ есть спрятанныя деньги?

Гарпагонъ. Врешь, бездѣльникъ, я этого не говорилъ. Я спрашиваю, не станешь ли ты нарочно, со зла, болтать, что у меня есть деньги.

Лафлешъ. Да что намъ до того, есть ли онѣ у васъ или нѣтъ. Вѣдь это все равно.

Гарпагонъ (*поднимаетъ руку, чтобъ дать пощечину Лафлешу*). Ты еще умничаешь! Я отважу тебя отъ этой привычки оплеухами. Вонъ отсюда, еще говорю тебѣ!

Лафлешъ. Слушаю... я иду...

Гарпагонъ. Постой, не унесъ ли ты чего нибудь?

Лафлешъ. Да что мнѣ у васъ унести?

Гарпагонъ. Подойди-ка поближе. Покажи мнѣ руки.

Лафлешъ. Вотъ онѣ.

Гарпагонъ. Другія!

Лафлешъ. Другія?

Гарпагонъ. Да, да.

Лафлешъ. Вотъ онѣ.

Гарпагонъ (*показывая на шаровары Лафлеша*). Не запряталъ ли ты чего туда?

Лафлешъ. Вы сами видите.

Гарпагонъ (*ощупывая Лафлеша*). Эти широкія платья очень пригодны для утайки воровскихъ вещей. Хоть бы одного за нихъ повѣсили.

Лафлешъ (*въ сторону*). Вотъ человѣкъ, который стоитъ того, чего боится. Съ радостію бы что нибудь у него укралъ.

Гарпагонъ. Что, что?

Лафлешъ. Ничего.

Гарпагонъ. Что ты говоришь—укралъ?

Лафлешъ. Я сказалъ: вы меня обыскиваете, чтобы узнать, не укралъ ли я чего нибудь.

Гарпагонъ. Это именно я и хочу дѣлать. (*Обыскиваетъ карманы Лафлеша*).

Лафлешъ (*въ сторону*). Чтобъ сквозь землю провалиться всѣмъ этимъ скрягамъ!

Гарпагонъ. Какъ, что ты говоришь?

Лафлешъ. Что я говорю?

Гарпагонъ. Да, что ты сказалъ о скрягахъ?

Лафлешъ. Я сказалъ, чтобъ провалились сквозь землю всѣ скряги.

Гарпагонъ. А объ комъ это ты изволишь говорить?

Лафлешъ. О скрягахъ...

Гарпагонъ. Кто же эти скряги?

Лафлешъ. Подлецы, мерзавцы.

Гарпагонъ А что ты подъ этимъ разумѣешь?

Лафлешъ. Да что вы изволите безпокоиться объ этомъ?

Гарпагонъ. Я безпокоюсь о томъ, о чемъ мнѣ надобно.

Лафлешъ. Развѣ вы думаете, что я о васъ говорю?

Гарпагонъ. Я думаю то, что думаю. А скажи мнѣ, кому ты это говоришь?

Лафлешъ. Я говорю.... я говорю моей шляпѣ.

Гарпагонъ. А я поговорю твоей спинѣ.

Лафлешъ. Вамъ не угодно, чтобъ я бранилъ скупыхъ?

Гарпагонъ. Мнѣ угодно, чтобы ты не говорилъ дерзостей.... Молчи!

Лафлешъ. Я никого не называю.

Гарпагонъ. А я тебя поколочу, если ты не замолчишь.

Лафлешъ. У кого носъ нечистъ, пусть тотъ и утрется.

Гарпагонъ. Замолчишь ли ты?

Лафлешъ. Замолчу, хоть и не хочется!

Гарпагонъ. А, а!

Лафлешъ (*показывая карманъ своего жилета*). Вотъ вамъ и еще карманъ. Довольны ли вы?

Гарпагонъ. Доволенъ. Отдай же мнѣ безъ обыску.

Лафлешъ. Что?

Гарпагонъ. Что ты у меня укралъ.

Лафлешъ. Я у васъ ничего не кралъ.

Гарпагонъ. Точно?

Лафлешъ. Точно.

Гарпагонъ. Прощай! убирайся къ чорту!

Лафлешъ (*въ сторону*). Вотъ прекрасное увольненіе!

Гарпагонъ. Однако, это остается еще на твоей совѣсти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гарпагонъ (*одинъ*). Этотъ сорванецъ меня очень безпокоитъ. По истинѣ, не маленькая забота сберечь дома большую сумму. Охъ, какъ тотъ счастливъ, кто, помѣстивъ денежки благонадежно, держитъ у себя бездѣлицу, только на расходы! Сколько хлопотъ сыскать потаенное мѣстечко въ домѣ! А сундуки желѣзные мнѣ совсѣмъ не по сердцу; я ихъ считаю за настоящую приманку ворамъ и на нихъ-то первыхъ всегда и нападаютъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гарпагонъ, Клеантъ и Елиза (разговариваютъ между собою въ глубинѣ театра).

Гарпагонъ (*думая, что онъ одинъ*). Между тѣмъ, не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ, что зарылъ въ саду десять тысячъ ефимковъ, которые мнѣ вчера заплатили. Десять тысячъ золотыхъ ефимковъ держать дома, это такая сумма.... (*примѣтя Клеанта и Елизу, въ сторону*). Боже мой! Я самъ себѣ измѣнилъ.... заговорилъ слишкомъ громко.... (*Клеанту и Елизѣ*). Что вамъ надобно?

Клеантъ. Ничего, батюшка.

Гарпагонъ. А давно ли вы здѣсь?

Клеантъ. Мы только что вошли.

Гарпагонъ. Вы слышали?

Клеантъ. Что, батюшка?

Гарпагонъ. То... то...

Елиза. Что?

Гарпагонъ. Ну то, что я говорилъ?

Клеантъ. Нѣтъ.

Гарпагонъ. Пустое, пустое.

Елиза. Виноваты, батюшка.

Гарпагонъ. Я вижу, вы слышали нѣсколько словъ. Разсуждая самъ съ собою о трудностяхъ доставать нынче деньги, я сказалъ: какъ тотъ счастливъ, у кого есть десять тысячъ ефимковъ....

Клеантъ. Мы не смѣли подойти, опасаясь помѣшать вамъ.

Гарпагонъ. Я очень радъ, что вамъ это объяснилъ, а то вы могли бы понять навыворотъ и подумать, что у меня есть десять тысячъ ефимковъ

Клеантъ. Мы не мѣшаемся въ ваши дѣла.

Гарпагонъ. Счастливъ, кому Богъ пошлетъ десять тысячъ ефимковъ!

Клеантъ. Я не думаю.

Гарпагонъ. Куды бы хорошо имѣть ихъ....

Елиза. Это такое дѣло....

Гарпагонъ. Я имѣю крайнюю въ нихъ нужду.

Елиза. Я думаю, что...

Гарпагонъ. Это меня бы совершенно успокоило.

Елиза. Вы....

Гарпагонъ. Не сталъ бы я жаловаться, что пришли худыя времена!

Елиза. Ахъ, Боже мой! вы, батюшка, не можете жаловаться: всѣ знаютъ, что вы богаты.

Гарпагонъ. Какъ? Я богатъ? Кто это говоритъ, тотъ лжетъ. Одни бездѣльники распускаютъ обо мнѣ такіе слухи.

Елиза. За что же гнѣваться?

Гарпагонъ. Чудное дѣло, что даже дѣти противъ меня! что дѣти—мнѣ враги!

Клеантъ Неужели тотъ врагъ вамъ, кто говоритъ, что вы богаты?

Гарпагонъ. Конечно. Такія рѣчи и твое мотовство—заставятъ кого нибудь, на этихъ же дняхъ, попробовать перерѣзать мнѣ горло, въ надеждѣ, что я начиненъ червонцами.

Клеантъ. Какое же мотовство мое?

Гарпагонъ. Какое? Да развѣ это не соблазнъ носить такое платье, ѣздить въ богатомъ экипажѣ по всему городу? Я вчера бранился съ твоей сестрой, а ты еще хуже; твое щегольство вопіющее. Я уже двадцать разъ говорилъ тебѣ, сынокъ, что мнѣ твои поступки очень не нравятся; ты безъ ума лѣзешь въ знатные господа; и чтобы такъ щеголять, ты навѣрное долженъ меня обкрадывать.

Клеантъ. Да развѣ у васъ можно украсть?

Гарпагонъ. А почему я знаю? Гдѣ ты берешь деньги вести такую жизнь?

Клеантъ. Я, батюшка, играю въ карты и довольно счастливо; все, что выигрываю, употребляю на себя.

Гарпагонъ. Это очень дурно. Если ты счастливо играешь, то надо этимъ пользоваться, отдавать выигрышныя деньги въ проценты, чтобы онѣ впередъ годились. Желалъ бы я знать, не говоря уже о послѣдствіяхъ, къ чему служитъ это золотое шитье на твоемъ кафтанѣ... эти кружевныя манжеты? Большая крайность бросать деньги на парики, когда есть свои волосы, которые ничего не стоятъ! Я бьюсь объ закладъ, что манжеты и парикъ на тебѣ стоятъ 20 червонцевъ, а 20 червонцевъ приносятъ доходу въ годъ 18 ливровъ 6 су и 8 сантимовъ.

Клеантъ. Ваша правда.

Гарпагонъ. Оставимъ это и поговоримъ о другомъ. (*Примѣтя, что Елиза и Клеантъ подаютъ другъ другу знаки, въ сторону*). Э, э! Мнѣ кажется, они перемигиваются, какъ бы украсть у меня деньги. (*Громко*) Что значатъ ваши киванья?

Елиза. Мы споримъ съ братомъ, кому первому начать говорить, потому что мы оба имѣемъ кое-что вамъ сказать.

Гарпагонъ. А я имѣю кое-что сказать вамъ обоимъ.

Клеантъ. О замужествѣ и о женитьбѣ хотѣли мы съ вами говорить.

Гарпагонъ. И я о свадьбахъ хочу говорить съ вами.

Елиза. Ахъ, батюшка!

Гарпагонъ. Что значитъ это „ахъ"? Чего испугалась?

Клеантъ. Вашъ образъ мыслей насъ пугаетъ, батюшка. Мы боимся, что наши склонности не будутъ согласны съ вашимъ выборомъ.

Гарпагонъ. Погодите Не безпокойтесь. Я знаю, что вамъ обоимъ прилично, и вы не имѣете причины жаловаться на мои намѣренія. Начнемъ съ начала. (*Клеанту*) Скажи мнѣ, видалъ ли ты молоденькую дѣвушку, которую зовутъ Маріанною и которая живетъ недалеко отсюда?

Клеантъ. Видалъ, батюшка.

Гарпагонъ (*Елизѣ*). А ты?

Елиза. И я объ ней слыхала.

Гарпагонъ. Какъ тебѣ, сынокъ, кажется эта особа?

Клеантъ. Прелестною дѣвицею.

Гарпагонъ. Какова ея физіономія?

Клеантъ. Благородна и умна.

Гарпагонъ. Ея наружность и ухватки?

Клеантъ. Очаровательны.

Гарпагонъ. Не правда ли, такая дѣвица стоитъ того, чтобъ о ней подумать?

Клеантъ. Точно такъ, батюшка.

Гарпагонъ. Стоитъ того, чтобъ на ней жениться?

Клеантъ. Очень стоитъ.

Гарпагонъ. Не правда ли, что она смотритъ доброй хозяйкою?

Клеантъ. Безъ сомнѣнія.

Гарпагонъ. И что мужъ будетъ ею доволенъ?

Клеантъ. Непремѣнно.

Гарпагонъ. Есть одно маленькое препятствіе: я боюсь, что все ея имѣніе заключается въ ней одной.

Клеантъ. Ахъ, батюшка, можетъ ли имѣніе итти въ расчетъ при женитьбѣ на прелестной и добродѣтельной дѣвушкѣ!

Гарпагонъ. Извини, сынокъ, очень можетъ. Но вотъ что должно сказать въ оправданіе: недостатокъ имѣнія можно наградить другими выгодами.

Клеантъ. Конечно.

Гарпагонъ. Ну, я очень радъ, что вы со мною однихъ мыслей: ея честный видъ и смиренство мнѣ очень понравились—и я намѣренъ на ней жениться, потому что нахожу это выгоднымъ.

Клеантъ. Боже мой!

Гарпагонъ. Что?

Клеантъ. Вы рѣшились, батюшка...

Гарпагонъ. Жениться на Маріаннѣ.

Клеантъ. Кто? Вы? Вы?

Гарпагонъ. Да, я, я, я! Что это значитъ?

Клеантъ Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ дурно.... извините, позвольте мнѣ выйти....

Гарпагонъ. Это ничего. Поди поскорѣй въ кухню и выпей большой стаканъ чистой воды.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гарпагонъ и Елиза.

Гарпагонъ. Вотъ образчикъ этихъ тщедушныхъ, нынѣшнихъ франтиковъ, въ которыхъ и душевной, и тѣлесной силы не больше, какъ въ цыпленкѣ. Ну, дочка, мое дѣло рѣшено; твоего братца я женю на одной богатой вдовѣ, о которой мнѣ сегодня по утру говорили; а тебя отдамъ за господина Ансельма.

Елиза. За господина Ансельма?

Гарпагонъ. Да, онъ не слишкомъ молодъ и благоразуменъ; ему не болѣе 50-ти лѣтъ и, говорятъ, очень богатъ.

Елиза (*присѣдая*). Съ вашего позволенія, батюшка, я не хочу итти замужъ....

Гарпагонъ (*передразнивая*). А я, съ твоего позволенія, дочка, хочу тебя выдать замужъ.

Елиза (*присѣдая*). Прошу меня извинить, батюшка.

Гарпагонъ (*передразнивая*). И меня прошу извинить, дочка.

Елиза. Я покорнѣйшая слуга г. Ансельма, но (*присѣдая*) съ вашего позволенія, я за него не выйду.

Гарпагонъ. Я твой покорнѣйшій слуга, но (*присѣдая*) съ твоего позволенія, ты за него выйдешь сегодня вечеромъ.

Елиза. Сегодня вечеромъ?

Гарпагонъ. Сегодня вечеромъ.

Елиза (*присѣдая*). Этому не бывать, батюшка.

Гарпагонъ (*передразнивая*). Этому быть, дочка.

Елиза. Нѣтъ.

Гарпагонъ. Да.

Елиза. Я говорю вамъ—нѣтъ!

Гарпагонъ. Я говорю тебѣ—да!

Елиза. Вы меня къ этому не принудите.

Гарпагонъ. Я тебя къ этому принужу!

Елиза. Я лучше себя убью, нежели выйду за него!

Гарпагонъ. Ты себя не убьешь и выйдешь за него замужъ... Но какова дерзость! Кто видалъ, чтобъ дочь смѣла такъ говорить съ отцемъ?

Елиза. Но кто видалъ, чтобъ отецъ такимъ образомъ выдавалъ дочь свою замужъ?

Гарпагонъ. Это женихъ превыгодный: я объ закладъ побьюсь, что всѣ похвалятъ мой выборъ.

Елиза. А я побьюсь объ закладъ, что ни одинъ благоразумный человѣкъ его не похвалитъ!

Гарпагонъ (*увидя Валера*). Кстати, вотъ идетъ мой Валеръ. Хочешь ли сдѣлать его судьею въ нашемъ спорѣ?

Елиза. Я согласна.

Гарпагонъ. Положишься ли ты на его рѣшеніе?

Елиза. Извольте, я обѣщаю исполнить его приговоръ.

Гарпагонъ. Вотъ это хорошо!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Валеръ, Гарпагонъ, Елиза.

Гарпагонъ. Поди сюда, Валеръ. Мы тебя выбрали посредникомъ. Ты долженъ сказать, кто изъ насъ правъ: я или моя дочь?

Валеръ. Вы, милостивый государь, безъ сомнѣнія.

Гарпагонъ. Да знаешь ли ты, о чемъ мы говорили?

Валеръ. Нѣтъ. Но вы не можете быть не правы, потому что вы—самъ разсудокъ.

Гарпагонъ. Я хочу сегодня вечеромъ выдать ее замужъ за богатаго и разумнаго человѣка, а плутовка въ глаза мнѣ насмѣялась и не хочетъ за него выйти. Что ты объ этомъ скажешь?

Валеръ. Что я объ этомъ скажу?

Гарпагонъ. Да.

Валеръ. Гмъ, гмъ...

Гарпагонъ. Ну, что жъ?

Валеръ. Я скажу, что я почти вашего мнѣнія: вы не можете быть несправедливы; но, можетъ быть, и она не совсѣмъ виновата, и...

Гарпагонъ. Какъ? Да г. Ансельмъ женихъ презначительный: это дворянинъ благородный, тихій, степенный, благоразумный и въ дѣлахъ благоустроенный; дѣтей у него отъ первой жены не осталось; ну, можно ли сыскать выгоднѣе мужа?

Валеръ. Совершенная правда; но она можетъ сказать: къ чему торопиться такъ? Для чего, по крайней мѣрѣ, не разсмотрѣть, согласно ли съ ея чувствами?...

Гарпагонъ. Вздоръ! Этотъ случай надо на лету хватать. Я получу тутъ такую выгоду, которую въ другое время не найдешь. Женихъ беретъ ее безъ приданаго.

Валеръ. Безъ приданаго?

Гарпагонъ. Да.

Валеръ. О, я молчу! Видите ли, вотъ совершенно убѣдительное доказательство, съ которымъ нельзя не согласиться.

Гарпагонъ. Это для меня важное обстоятельство.

Валеръ. Безъ сомнѣнія. Противъ этого спорить нельзя. Конечно, дочь ваша можетъ сказать, что замужество дѣло важное, что оно рѣшитъ счастіе или несчастіе всей ея жизни, что въ обязательство, которое одна смерть только разрываетъ, надобно вступать съ большими предосторожностями.

Гарпагонъ. Безъ приданаго!

Валеръ. Вы правы, это все рѣшаетъ. Конечно, найдутся люди, которые скажутъ, что на склонность дочери всего болѣе надобно обратить вниманіе; что ужасное неравенство въ лѣтахъ, свойствахъ и чувствахъ подвергаетъ такое супружество большимъ непріятностямъ.

Гарпагонъ. Безъ приданаго!

Валеръ. Тутъ нѣтъ спора, что и говорить. Но, конечно, есть много родителей, которые думаютъ болѣе о счастіи своихъ дѣтей, нежели о деньгахъ; которые думаютъ, что отъ взаимной склонности зависитъ спокойствіе и благополучіе.

Гарпагонъ. Безъ приданаго...

Валеръ. Совершенная истина, и она заставитъ молчать всякаго!.. Безъ приданаго!.. Прошу сказать что нибудь противъ этого!..

Гарпагонъ (*въ сторону*). Что это... на улицѣ, мнѣ кажется, лаетъ собака? Ужъ не къ деньгамъ ли моимъ кто подбирается? (*Вслухъ*) Не уходи отсюда... я ворочусь въ минуту... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Елиза и Валеръ.

Елиза. Валеръ, вы шутите надъ нимъ и потакаете ему.

Валеръ. Это необходимо: разсердивъ его, нельзя успѣть ни въ чемъ. Есть такіе люди, которыми можно управлять,

только потакая имъ. Они враги всякому противорѣчію, ихъ упрямство бѣсится отъ всякой истины, и они никогда не ходятъ по прямой дорогѣ разсудка, а потому ихъ можно довести до цѣли только кривыми путями — таковъ вашъ батюшка. Надобно соглашаться съ нимъ, чтобъ...

Елиза. Но это замужество, Валеръ?

Валеръ. Я найду средство помѣшать ему.

Елиза. Но какъ это сдѣлать, когда оно должно совершиться сегодня?

Валеръ. Надобно потребовать отсрочки или притвориться больною.

Елиза. Но обманъ откроется, когда призовутъ доктора.

Валеръ. Вы шутите! Да развѣ они что нибудь знаютъ? Помилуйте... вы смѣло можете выдумать болѣзнь, какую вамъ угодно, а доктора найдутъ причину, отчего произошла она.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гарпагонъ, Елиза и Валеръ.

Гарпагонъ (*въ сторону, входя*). Слава Богу, нѣтъ никого!

Валеръ (*не видя Гарпагона*). Наконецъ, и послѣднее средство къ нашему спасенію—есть побѣгъ; и если любовь ваша, милая Елиза, такъ сильна .. (*Примѣтя Гарпагона*) Да, дочь должна повиноваться родителю. Нечего ей разбирать, каковъ женихъ, а особливо, когда есть важнѣйшая изъ всѣхъ побудительныхъ причинъ: безъ приданаго. Добрая дочь должна сейчасъ согласиться.

Гарпагонъ. Славно! Вотъ какъ надобно разсуждать!

Валеръ. Извините меня, что я погорячился и осмѣлился такъ говорить.

Гарпагонъ. Напротивъ. Я въ восхищеніи и даю тебѣ полную власть надъ нею. (*Елизѣ*) Да, я вручаю ему власть, данную мнѣ надъ тобою отъ Бога, и ожидаю, что ты его во всемъ послушаешься.

Валеръ (*Елизѣ*). Послѣ этого, попробуйте не согласиться съ моими убѣжденіями.

ЯВЛЕНІЕ X.

Гарпагонъ и Валеръ.

Валеръ. Милостивый государь, я пойду за нею, чтобъ продолжать мои наставленія.

Гарпагонъ. Иди, ты меня одолжишь.

Валеръ. Надобно немножко ее держать построже.

Гарпагонъ. Правда, правда, надобно...

Валеръ. Не безпокойтесь, я надѣюсь сладить съ нею.

Гарпагонъ. Улаживай, улаживай. Мнѣ надобно сходить со двора; но я тотчасъ ворочусь.

Валеръ (*обращая слова къ Елизѣ, идетъ къ той двери, въ которую она ушла*). Такъ, сударыня, деньги есть первая вещь на свѣтѣ. Вы должны благодарить Бога, что онъ вамъ далъ такого родителя, который знаетъ, какъ жить на свѣтѣ. Ужъ когда берутъ дѣвушку безъ приданаго, что тутъ разсуждать? Все заключается въ этомъ словѣ: безъ приданаго. Красота, молодость, порода, честь, умъ и честность! (*Уходитъ*).

Гарпагонъ. Ахъ, какой славный малый! Онъ говоритъ, какъ оракулъ! Счастливъ, кто имѣетъ такого слугу!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ [1]).

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеантъ, Лафлешъ.

Клеантъ. А, мошенникъ! Говори, куда ты спрятался? Развѣ я тебѣ не приказывалъ...

Лафлешъ. Да, сударь, и я нарочно пришелъ сюда, чтобъ васъ подождать; но вашъ батюшка человѣкъ въ высшей степени необходительный, выгналъ меня отсюда, не смотря на всѣ мои старанія остаться,—и я даже рисковалъ быть побитымъ.

---

[1]) Въ переводѣ Ѳ. Устрялова.

Клеантъ. Ну, что наши дѣла? Время не терпитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видалъ, я открылъ, что у меня есть соперникъ, и этотъ соперникъ—мой отецъ.

Лафлешъ. Какъ, вашъ отецъ влюбленъ?

Клеантъ. Да. Богъ знаетъ, какого труда мнѣ стоило скрыть мое смущеніе, когда я узналъ эту новость!

Лафлешъ. Каково! Онъ—и влюбляется! Да какъ это пришло ему въ голову? Смѣется онъ, что-ли? Развѣ любовь пристала къ такому безобразнику!

Клеантъ. Видно за мои грѣхи онъ выдумалъ влюбиться!

Лафлешъ. Но съ какой стати вы скрываете отъ него вашу любовь?

Клеантъ. Чтобъ не вселить подозрѣній и, на всякій случай, оставить за собой лазейку съ цѣлью помѣшать этому браку. Ну, скажи, какой дали тебѣ отвѣтъ?

Лафлешъ. Что дѣлать, сударь! Видно должники—самые несчастные люди. Надо переносить много нелѣпостей, когда приходится, какъ напримѣръ вамъ, побывать въ рукахъ ростовщиковъ и сутягъ!

Клеантъ. Значитъ, дѣла уладить нельзя?

Лафлешъ. Это еще вопросъ. Факторъ Симонъ, рекомендованный намъ—человѣкъ дѣльный и усердный; онъ говоритъ, что ради васъ готовъ въ огонь и воду; по его словамъ, одна ваша наружность расположила его въ вашу пользу.

Клеантъ. И онъ мнѣ доставитъ пятнадцать тысячъ франковъ?

Лафлешъ. Доставитъ, но съ маленькими условіями; вамъ надо будетъ согласиться на нихъ, если вы хотите, чтобъ дѣло удалось.

Клеантъ. И тебѣ удалось, при помощи его, поговорить съ тѣмъ, кто долженъ дать взаймы эти деньги?

Лафлешъ. Ну, это не такъ-то скоро дѣлается! Онъ секретничаетъ даже получше васъ; тутъ вообще такая таинственная штука, какую и придумать трудно. Заимодавецъ не хочетъ, чтобъ знали его даже по имени; а сегодня васъ

сведутъ съ нимъ нарочно въ чужомъ домѣ, гдѣ отъ васъ самихъ онъ узнаетъ и о вашемъ состоянiи, и о вашихъ родныхъ; я не сомнѣваюсь, что одно имя вашего отца устранитъ всѣ препятствiя.

Клеантъ. Особенно потому, что послѣ смерти моей матери, я, какъ наслѣдникъ ея, имѣю полное право распоряжаться завѣщаннымъ мнѣ имуществомъ.

Лафлешъ. Прежде чѣмъ начнете дѣло, выслушайте нѣсколько пунктовъ условiя, продиктованныхъ самимъ заимодавцемъ нашему повѣренному: „Если заимодавецъ найдетъ обезпеченiе достаточно вѣрнымъ, а заемщикъ совершеннолѣтенъ и принадлежитъ къ семейству, обладающему нераздѣльнымъ, обширнымъ, застрахованнымъ, свободнымъ отъ всякихъ притязанiй имуществомъ—то слѣдуетъ составить ясное и точное заемное письмо въ присутствiи нотарiуса, самаго честнаго и вѣрнѣйшаго, какого только можно найти, и сей послѣднiй, въ сказанномъ случаѣ, имѣетъ быть выбранъ заимодавцемъ, который неослабно наблюдетъ за законностью совершенiя акта“.

Клеантъ. Противъ этого сказать нечего.

Лафлешъ. „Заимодавецъ, не желая брать грѣха на совѣсть, согласенъ дать взаймы свои деньги не иначе, какъ по пяти съ половиной процентовъ“.

Клеантъ. По пяти съ половиной процентовъ? Что жъ, это очень добросовѣстно! Жаловаться не на что!

Лафлешъ. Истинная правда! „Но такъ какъ означенный заимодавецъ не имѣетъ при себѣ вышесказанной суммы и, въ интересахъ заемщика, принужденъ самъ занять ее у другого лица съ уплатою двадцати процентовъ, то означенный первый заемщикъ обязанъ принять на себя уплату и сихъ процентовъ, безъ всякаго ущерба, такъ какъ означенный заимодавецъ прибѣгаетъ къ сему займу единственно съ цѣлью сдѣлать удовольствiе своему заемщику“.

Клеантъ. Что за чертовщина! Вотъ жидъ, басурманинъ! Вѣдь это составитъ больше двадцати пяти на сто!

Лафлешъ. Я тоже самое говорилъ. Подумайте хорошенько!

Клеантъ. Что тутъ думать! Мнѣ нужны деньги; я долженъ согласиться на все.

Лафлешъ. Я такъ и отвѣчалъ.

Клеантъ. Нѣтъ ли еще чего нибудь?

Лафлешъ. Еще одно маленькое условіе: „Въ счетъ требуемыхъ пятнадцати тысячъ ливровъ, заимодавецъ можетъ ссудить деньгами только двѣнадцать тысячъ; что же касается остальныхъ трехъ тысячъ, то заемщикъ долженъ на соотвѣтствующую сумму принять вещами, рухлядью, драгоцѣнными камнями,—исчисленіе коихъ ниже прописано; вышеизложеннымъ вещамъ означенный заимодавецъ полагаетъ, по возможности, самую добросовѣстную и дешевую цѣну“.

Клеантъ. Это еще что значитъ?

Лафлешъ. Выслушайте перечень вещей: „Во первыхъ, кровать четырехъ футовъ длины, отдѣланная венгерскими кружевами, нашитыми на сукно оливковаго цвѣта; полдюжины стульевъ и стеганое одѣяло; все прекрасно сдѣланное, съ подкладкою изъ тонкой тафты, розовато-голубаго цвѣта. Къ сему балдахинъ изъ омальской саржи, отличной добротности, розоваго цвѣта, съ шелковыми кистями и шнуромъ“.

Клеантъ. Да на кой чортъ мнѣ это?

Лафлешъ. Позвольте. „Затѣмъ, стѣнные обои съ изображеніемъ любовныхъ похожденій Гомбо и Масе. Кромѣ того, большой столъ, орѣховаго дерева, съ двѣнадцатью выточенными ножками или столбиками — раздвигающійся съ обоихъ концовъ,—и къ нему шесть небольшихъ табуретовъ“.

Клеантъ. О! чортъ побери...

Лафлешъ. Подождите. „Кромѣ того, три большихъ мушкетона, украшенные перламутромъ, съ принадлежащими къ нимъ тремя стойками. Кромѣ того, печная кирпичная труба, для отвода дыма изъ очага, съ двумя колбами и тремя ретортами, весьма полезная для изслѣдователя явленій дистилляціи.

Клеантъ. Я взбѣшенъ, какъ...

Лафлешъ. Сейчасъ, сударь, сейчасъ... „Сверхъ того, болоньская лютня, со струнами, — послѣднихъ не достаетъ весьма немного. Къ сему шашки, шахматная доска и древняя греческая игра, именуемая „гусекъ", нынѣ возобновленная,—все сіе весьма способствуетъ къ пріятному препровожденію времени, въ особенности для того, кому нечего дѣлать. Затѣмъ, шкура ящерицы, длиною въ три съ половиною фута, набитая сѣномъ: замѣчательная рѣдкость; ее можно прикрѣпить къ полу. Все вышеозначенное на самомъ дѣлѣ представляетъ цѣнность болѣе четырехъ съ половиною тысячъ ливровъ, но понижено, единственно по великодушію заимодавца, на сумму, не достающую въ деньгахъ по расчету пятнадцати тысячъ ливровъ".

Клеантъ. Провалиться ко всѣмъ чертямъ этому негодяю съ его великодушіемъ! Это палачъ какой-то! Разбойникъ! Мало ему, что деретъ безбожные проценты... Нѣтъ, хочетъ еще навязать за три тысячи ливровъ старую дрянь и ветошь. Да я за это не далъ бы и двухсотъ ливровъ. А впрочемъ, нечего дѣлать, надо согласиться! Этотъ мошенникъ приступаетъ ко мнѣ съ ножемъ къ горлу, остается только молчать.

Лафлешъ. Простите меня... осмѣлюсь сказать, что вы попали на ту дорогу, по которой Панургъ шелъ къ разоренію. Подобно ему, вы забираете деньги впередъ, покупаете въ три-дорога, продаете за бездѣлицу и съѣдаете свой хлѣбъ на корню.

Клеантъ. Что-жъ мнѣ дѣлать? Вотъ до чего доводитъ проклятая скупость отцовъ! И послѣ этого еще удивляются, что сыновья хотятъ ихъ смерти.

Лафлешъ. Правду сказать, вашъ батюшка можетъ возстановить противъ себя, своимъ скряжничествомъ, самаго честнаго человѣка. Слава Богу, я не имѣю воровскихъ наклонностей, промежъ своихъ товарищей, промышляющихъ кое-какимъ дѣльцемъ, веду себя осторожно и не попадаю въ штуки, которыя пахнутъ висѣлицей; но за такое обращеніе

я просто готовъ его обокрасть, и мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, я сотворилъ бы доброе дѣло.

Клеантъ. Покажи-ка мнѣ еще этотъ реестръ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гарпагонъ, Симонъ, Клеантъ, Лафлешъ.

(Два послѣдніе въ глубинѣ сцены).

Симонъ. Да-съ, точно такъ. Этому молодому барину очень нужны деньги; дѣла его плохи, онъ готовъ на все, что угодно.

Гарпагонъ. И вы увѣрены, что тутъ нечего опасаться? Вы знаете его имя, состояніе и родителей?

Симонъ. Нѣтъ-съ, я собственно въ этомъ отношеніи достовѣрно ничего сказать не могу, мнѣ рекомендовали его только по случаю. Но вы сами можете все разслѣдовать, и его повѣренный увѣрилъ меня, что останетесь имъ вполнѣ довольны. Я только одно могу сказать, что его родственники очень богаты, матушки у него нѣтъ, и онъ даже готовъ дать обязательство, что мѣсяцевъ черезъ восемь умретъ и его отецъ.

Гарпагонъ. Положимъ, это что-нибудь да значитъ! Милосердіе обязуетъ насъ, Симонъ, оказывать добро ближнимъ, на сколько это возможно.

Симонъ. Изволили сказать вполнѣ истинно-съ.

Лафлешъ (*узнав Симона, тихо Клеанту*). Что это значитъ? Симонъ говоритъ съ вашимъ отцомъ!

Клеантъ (*тихо Лафлешу*) Не сказалъ ли ты Симону, кто я такой? Неужели ты выдалъ меня?..

Симонъ (*Лафлешу*). О-го! какъ вы поторопились! Да кто же вамъ сказалъ, что именно здѣсь. (*Гарпагону*) Вѣрьте, сударь, ужъ никакъ не я сказалъ имъ ваше имя и гдѣ вы живете. А впрочемъ, по моему, тутъ нѣтъ особеннаго грѣха; они люди солидные, никому не скажутъ. Вы можете сейчасъ же и объясниться.

Гарпагонъ. Какъ такъ?

Симонъ (*показывая на Клеанта*). Да вотъ они-съ именно и желаютъ взять у насъ въ долгъ тѣ самыя пятнадцать тысячъ ливровъ.

Гарпагонъ. Какъ, негодяй! Такъ это ты рѣшился на такое позорное дѣло!

Клеантъ. Какъ, батюшка! Такъ это вы предаетесь такому постыдному ремеслу! (*Симонъ убѣгаетъ, Лафлешъ прячется*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Гарпагонъ, Клеантъ.

Гарпагонъ. Такъ это ты хочешь разорить меня своими проклятыми долгами!

Клеантъ. Такъ это вы хотите разбогатѣть отъ такихъ незаконныхъ процентовъ!

Гарпагонъ. И послѣ этого, ты еще смѣешь показываться мнѣ на глаза?

Клеантъ. И послѣ этого, вы еще смѣете показываться на глаза другимъ?

Гарпагонъ. Скажи только одно: тебѣ не стыдно дойти до такого разврата, вдаться въ такіе неоплатные долги и постыдно расточать имущество, добытое твоими родителями потомъ и кровью.

Клеантъ. А вы не стыдитесь безчестить ваше имя ремесломъ ростовщика, жертвовать честью и репутаціей ненасытной страсти копить деньги и, для своей выгоды, превосходить плутнями самыхъ извѣстныхъ обиралъ?

Гарпагонъ. Прочь съ глазъ моихъ, мерзавецъ! Вонъ отсюда!

Клеантъ. Скажите, кто преступнѣе,—тотъ ли, кто занимаетъ деньги, въ которыхъ онъ нуждается, или тотъ, кто крадетъ деньги, съ которыми ему рѣшительно нечего дѣлать?

Гарпагонъ. Вонъ отсюда, говорю тебѣ! (*Клеантъ уходитъ*). Я не сержусь на то, что случилось: впредь наука — смотрѣть въ оба и полагаться только на самого себя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фрозина, Гарпагонъ.

Фрозина. Позвольте мнѣ...

Гарпагонъ. Сейчасъ, сейчасъ! Потерпите минутку!.. Я сейчасъ приду. (*Въ сторону*) Не мѣшаетъ посмотрѣть на мои денежки.

ЯВЛЕНІЕ V.

Фрозина, Лафлешъ.

Лафлешъ (*не видя Фрозины*). Преуморительная штука! Видно, у него гдѣ нибудь много припрятано разной дряни; въ реестрѣ означены совсѣмъ незнакомыя намъ вещи...

Фрозина. А, это ты, бѣдняга Лафлешъ! Какими судьбами?

Лафлешъ. А, это ты, Фрозина! Ты что тутъ дѣлаешь?

Фрозина. То дѣлаю, что и вездѣ: хожу по дѣламъ, прислуживаю всѣмъ и стараюсь, елико возможно, пользоваться данными мнѣ талантами. Знаешь самъ, въ здѣшнемъ мірѣ должно жить изворотливостью да хитростью, тѣмъ болѣе, что такимъ, какъ я, судьба не дала ничего, кромѣ ловкости и умѣнья заводить интрижки.

Лафлешъ. Такъ и съ нашимъ хозяиномъ у тебя дѣльце завязалось?

Фрозина. Еще бы! Есть кое-что. Надѣюсь и вознагражденіе получить.

Лафлешъ. Отъ него? Ну молодецъ будешь, коли что нибудь вытянешь; у насъ, прими это къ свѣдѣнію, деньги очень дороги.

Фрозина. Однако за иную службу можно получить славныя деньги!

Лафлешъ. Поздравляю! Ты, видно, не знаешь Гарпагона. Господинъ Гарпагонъ, изъ всѣхъ людей — человѣкъ наименѣе человѣчный, изъ всѣхъ смертныхъ—смертный наиболѣе непреклонный и прижимистый. Нѣтъ такой услуги на

свѣтѣ, ради которой онъ, изъ благодарности, развязалъ бы свой кошелекъ. На словахъ онъ засыплетъ похвалой, благодарностью, уваженіемъ, увѣреніями въ дружбѣ, всѣмъ, чѣмъ угодно, а ужъ на счетъ денегъ—мое почтеніе. Нѣтъ ничего суше и безплоднѣе его ласкъ и любезностей; и онъ до такой степени ненавидитъ глаголъ „давать", что никогда не говоритъ: „я вамъ даю совѣтъ", а „я васъ ссужаю совѣтомъ".

Фрозина. Меня на этотъ счетъ провести трудно. Я знаю секретъ, какъ дѣлать людей добрыми, щекотать ихъ самолюбіе и затрогивать самую чувствительную струнку.

Лафлешъ. Ни къ чему это не поведетъ здѣсь. Держу пари, что ты никогда не заставишь его разстрогаться и дать денегъ. Онъ хуже всякаго бусурмана, и бусурманство его просто въ отчаяніе можетъ привести! Хоть издохни на мѣстѣ—онъ и глазомъ не моргнетъ! Словомъ, деньги дороже для него добраго имени, дороже чести и всякихъ добродѣтелей. Съ нимъ дѣлается припадокъ при одномъ видѣ просителя. Это все равно, что нанести ему смертельный ударъ, пронзить ему сердце, вырвать внутренности, — и если... Но вотъ и онъ; я уйду.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гарпагонъ, Фрозина.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Все въ порядкѣ. (*Громко*) Ну, что скажешь, Фрозина?

Фрозина. Ахъ, Боже мой! какой у васъ славный видъ! Какой здоровый цвѣтъ лица!

Гарпагонъ. У кого, у меня?

Фрозина. Никогда не видѣла я у васъ такой здоровой и бодрой физіономіи!

Гарпагонъ. И ты не врешь?

Фрозина. Помилуйте! Да вы никогда не казались такъ молоды! Я постоянно вижу двадцатипятилѣтнихъ молодыхъ людей, которые на видъ гораздо старше васъ.

Гарпагонъ. Однако, Фрозина, мнѣ ужъ стукнуло шестьдесятъ.

Фрозина. Да что за бѣда! Стоитъ говорить объ этомъ! Да это настоящій возрастъ и есть, вы только теперь, можно сказать, сдѣлались вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ.

Гарпагонъ. Правда, правда! Однако не дурно бы эдакъ годиковъ двадцать съ плечъ долой.

Фрозина. Вы шутите, что ли? Совсѣмъ не нужно; вы ужъ такъ созданы, что проживете до ста лѣтъ.

Гарпагонъ. Ты думаешь?

Фрозина. Навѣрно. По всему рѣшительно видно. Подождите-ка, дайте посмотрю... Ну, да! Такъ и есть!.. Между глазъ... значекъ долгой жизни.

Гарпагонъ. Ты развѣ знаешь примѣты?

Фрозина. Еще бы!.. Протяните-ка руку. Ахъ, ты Господи! Какая длинная линія жизни.

Гарпагонъ. Такъ что-же?

Фрозина. Да видите, куда она идетъ?

Гарпагонъ. Вижу; но что-жъ изъ этого?

Фрозина. Да что я сказала: сто лѣтъ,—нѣтъ, вы проживете и сто двадцать.

Гарпагонъ. Что ты?

Фрозина. Да и тогда только, въ томъ случаѣ свалитесь, коли пришибутъ. И своихъ дѣтей схороните, и дѣтей вашихъ дѣтей.

Гарпагонъ. Дай-то Богъ, дай-то Богъ!... Ну, а какъ наши дѣлишки?

Фрозина. Что за вопросъ! Ужъ если я за что возьмусь, такъ все обдѣлаю, какъ должно. Особенно на счетъ брачныхъ дѣлъ — талантъ у меня удивительный! Нѣтъ на свѣтѣ такихъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ я не повѣнчала бы между собой въ самомъ скорѣйшемъ времени; я, если бы задала себѣ задачу, кажется, женила бы самого турецкаго султана на венеціанской республикѣ. Ей Богу! Разумѣется, въ вашемъ дѣлѣ такихъ трудностей не пред-

ставилось. Я у тѣхъ-то какъ своя принята, ну, и поговорила, какъ слѣдуетъ, съ обѣими на счетъ васъ. Матушкѣ объявила о вашемъ намѣреніи касательно Маріанны, разсказала ей, какъ вы видѣли Маріанну и на улицѣ, и у окошка...

Гарпагонъ. Что же мать сказала?

Фрозина. Очень польщена была... А когда я открылась ей, что вамъ очень угодно было бы видѣть ея дочку сегодня вечеромъ, при подписаніи свадебнаго контракта вашей дочери, у васъ въ домѣ, то матушка согласилась безъ всякихъ разсужденій и препоручила свою дочь мнѣ.

Гарпагонъ. Дѣло то въ томъ, Фрозина, что вѣдь придется сегодня пригласить на ужинъ господина Ансельма; было бы недурно, если бы и Маріанна не отказалась присутствовать на ужинѣ.

Фрозина. Это такъ. Послѣ обѣда она явится съ визитомъ къ вашей дочери, потомъ думаемъ отправиться за покупками, а затѣмъ поспѣемъ и къ вашему ужину.

Гарпагонъ. И прекрасно. А я ссужу имъ свою карету: пусть поѣдутъ вмѣстѣ.

Фрозина. Она будетъ очень рада.

Гарпагонъ. А ты говорила, Фрозина, матери о приданомъ? Говорила, что она должна же немножко постараться внести свою часть: такъ сказать, пустить себѣ кровь для такого случая? Вѣдь никто не женится на дѣвушкѣ безъ того, чтобъ не получить хоть малую толику!..

Фрозина. Помилуйте! За ней двѣнадцать тысячъ франковъ чистаго дохода въ годъ.

Гарпагонъ. Двѣнадцать тысячъ франковъ!

Фрозина. Да какъ же! Во-первыхъ, она воспитана такъ, что не любитъ лакомиться или ѣсть много; она привыкла кушать салатъ, молоко, сыръ и яблоки. Поэтому ей не надо ни роскошнаго стола, ни суповъ тамъ какихъ нибудь, ни соусовъ особенныхъ... словомъ никакихъ поблажекъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись нынѣшнія молодыя дѣвушки. Все это составитъ въ годъ экономіи, по крайней мѣрѣ, три

тысячи франковъ. Кромѣ того, она привыкла только къ чистоплотности и простотѣ, не любитъ великолѣпныхъ нарядовъ, драгоцѣнныхъ камней, роскошнаго убранства комнатъ— всего того, на что съ такимъ жаромъ бросаются ей равныя; эта статья принесетъ вамъ тоже болѣе четырехъ тысячъ въ годъ! Потомъ, она ненавидитъ до отвращенія игру, и это нынче трудно встрѣтить между молодыми женщинами. Я знаю одну госпожу, — по сосѣдству живетъ, — такъ та въ нынѣшнемъ году проиграла въ карты двадцать тысячъ франковъ. Но будемъ считать хоть четвертую часть, — и того довольно. И такъ пять тысячъ въ годъ на игру, четыре тысячи на наряды, да на брилліанты, — вотъ вамъ девять; да на пищу положите три тысячи,—оно и выйдетъ въ годъ, по малой мѣрѣ, двѣнадцать тысячъ франковъ.

Гарпагонъ. Да, это недурно. Только тутъ существеннаго ничего нѣтъ.

Фрозина. Какъ нѣтъ? А скромность, простота въ одеждѣ, ненависть къ картежной игрѣ,—развѣ все это не существенное?

Гарпагонъ. Да ты смѣешься надо мной, что ли? Считать приданымъ то, что она не истратила бы у меня въ домѣ! Вѣдь я не стану же расписываться въ полученіи того, что мнѣ не попало въ руки; а надобно же мнѣ получить хоть что нибудь!

Фрозина. Ахъ, Боже мой, у васъ и безъ того довольно будетъ. Онѣ говорили мнѣ, что у нихъ есть гдѣ то имѣніе... разумѣется, оно будетъ вамъ же принадлежать.

Гарпагонъ. Ну, это еще посмотримъ. Притомъ, Фрозина, есть еще одна вещь, которая тоже безпокоитъ меня. Ты знаешь сама, — дѣвушка она молоденькая, а молодежь обыкновенно льнетъ другъ къ другу, привязывается какъ-то обоюдно... Боюсь, что мужъ моихъ лѣтъ не совсѣмъ ей будетъ по нутру,—а отъ этого, чего добраго, начнутся у меня маленькіе безпорядки, которые не совсѣмъ то будутъ для меня пріятны.

Фрозина. Какъ же вы ее мало знаете! Вотъ именно это я и хотѣла сказать. Она имѣетъ ужасное отвращеніе къ молодымъ людямъ; ей нравятся только старики.

Гарпагонъ. Какъ, ей нравятся...

Фрозина. Да, ей нравятся... Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобъ вы послушали, какъ она говоритъ. Она просто видѣть не можетъ молодого человѣка; но, по ея словамъ, нѣтъ ничего прелестнѣе человѣка престарѣлаго, украшеннаго величественною бородою. Старики для нея милѣе всѣхъ, и вы, пожалуйста, не вздумайте передъ ней молодиться! Она хочетъ, чтобъ ея мужъ былъ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти. Мѣсяца четыре тому назадъ, она ужъ почти совсѣмъ готова была выйти замужъ, какъ вдругъ на чисто отказала... а отчего?... оттого, что жениху ея было всего пятьдесятъ шесть лѣтъ, и онъ не надѣлъ очковъ въ ту минуту, когда пришлось подписываться на свадебномъ контрактѣ.

Гарпагонъ. И только оттого?

Фрозина. Да, она говоритъ, что ей мало пятидесяти шести лѣтъ, и особенно любитъ людей, которые носятъ очки.

Гарпагонъ. Признаюсь, неслыханная вещь!

Фрозина. Послушайте дальше. У нея въ комнатѣ виситъ нѣсколько картинъ и гравюръ. Какъ вы думаете, кого онѣ изображаютъ? Адониса, Париса, Аполлона? Какъ бы не такъ: отличнѣйшіе портреты Сатурна, царя Пріама, престарѣлаго Нестора и добродѣтельнаго отца Анхиза, сидящаго на плечахъ своего сына.

Гарпагонъ. Удивительно, я бы никогда и не ожидалъ... Очень, очень радъ, что у нея такой характеръ. А въ самомъ дѣлѣ, будь я женщина, я ни за что бы не влюблялся въ молодыхъ людей.

Фрозина. Я думаю! Что въ нихъ, въ этой-то дряни? Шелопаи, прощалыги, больше ничего! Хотѣла бы я знать, чѣмъ собственно могутъ они нравиться?

Гарпагонъ. Рѣшительно не могу постичь, какъ еще находятся женщины, которыя влюбляются въ нихъ!

Фрозина. Влюбляются сумасшедшія. Находить молодежь привлекательною—да развѣ тутъ есть здравый смыслъ? Развѣ эти безбородые мальчишки—люди? Развѣ можно чувствовать привязанность къ такимъ животнымъ?

Гарпагонъ. Я именно это самое и твержу каждый день. Нечего сказать, молодцы, съ ихъ куринымъ голосомъ, съ тремя волосками вмѣсто бороды, въ родѣ кошачьихъ усовъ, съ париками изъ мочалки и испорченнымъ желудкомъ!..

Фрозина. Да, да, красавцы, нечего сказать, особенно въ сравненіи съ вами... Вотъ вы такъ мужчина, настоящій мужчина; на васъ можно посмотрѣть! Вотъ какъ именно должно быть и сложеннымъ, и одѣтымъ, чтобъ внушать истинную любовь...

Гарпагонъ. Ты полагаешь, что я недуренъ собой?

Фрозина. Прелесть, просто прелесть!.. Картина, да и только! Повернитесь-ка немножко... Ну, да, чудо! А пройдитесь-ка теперь! Вотъ, что называется настоящимъ манеромъ сложенъ: свободенъ, развязенъ, красивъ, не подверженъ никакой хворости.

Гарпагонъ. Слава Богу, на послѣднее не могу особенно жаловаться. Вотъ только кашель иногда безпокоитъ...

Фрозина. Пустяки, пустяки! Это даже къ вамъ идетъ: вы очень мило кашляете.

Гарпагонъ. Скажи, пожалуйста: не видала ли меня Маріанна гдѣ-нибудь? Не встрѣтила ли на улицѣ?

Фрозина. Нѣтъ; но мы очень много говорили о васъ... Я ей описала вашу наружность, расхвалила всѣ ваши достоинства и представила ей всѣ преимущества, какими она будетъ пользоваться, выйдя за васъ замужъ.

Гарпагонъ. Прекрасно сдѣлала! Очень благодаренъ тебѣ.

Фрозина. А у меня есть, сударь, къ вамъ одна маленькая просьбица. Видите-ли: у меня процессъ, и, пожалуй, придется проиграть его, если не добуду откуда-нибудь немножко деньжонокъ. (*Гарпагонъ дѣлаетъ серьезную мину*) Вы очень легко могли бы помочь мнѣ выиграть процессъ, если бы были

такъ добры, что... Вы не можете себѣ представить, какъ она будетъ рада видѣть васъ! (*Гарпагонъ снова принимаетъ веселый видъ*). Боже мой, какъ вы ей понравитесь! какъ ей покажется милъ вашъ воротничекъ съ рюшкой! Особенно обворожитъ ее вашъ камзолъ, разукрашенный бантиками изъ лентъ съ кисточками. Просто съ ума сойдетъ! Женихъ съ кисточками будетъ для нея лучше всякаго дессерта!

Гарпагонъ. Право, я въ восторгѣ отъ твоихъ словъ!

Фрозина. Но этотъ процессъ, сударь, для меня ужасно много значитъ... (*Гарпагонъ снова дѣлаетъ серьезную мину*). Я въ конецъ разорюсь, если придется проиграть его.... А между тѣмъ какая нибудь маленькая помощь съ вашей стороны придала бы совсѣмъ иной оборотъ дѣлу... Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы видѣли, въ какой она приходитъ восторгъ, когда я говорю ей о васъ! (*Гарпагонъ снова принимаетъ веселый видъ*). Блаженство сіяло въ ея глазахъ въ ту минуту, когда я расхваливала всѣ ваши достоинства. Словомъ, я возбудила въ ней самое живѣйшее желаніе какъ можно скорѣе выйти за васъ замужъ.

Гарпагонъ. Ты доставила мнѣ величайшее удовольствіе, Фрозина, и, признаюсь, я тебѣ въ высшей степени обязанъ.

Фрозина. Такъ ужъ сдѣлайте милость, сударь, помогите мнѣ хоть какой нибудь бездѣлицей... (*Гарпагонъ снова принимаетъ серьезный видъ*). Это меня просто на ноги поставитъ и я по гробъ буду вамъ обязана...

Гарпагонъ. Прощай, прощай, Фрозина! Мнѣ еще надо окончить письмо...

Фрозина. Честью увѣряю васъ, что я еще никогда не была въ такой нуждѣ...

Гарпагонъ. Я велю заложить карету, чтобъ отвезти васъ за покупками.

Фрозина. Если бы не нужда, я никогда не осмѣлилась бы надоѣдать вамъ.

Гарпагонъ. Надо поужинать пораньше, не то гости заболѣютъ.

Фрозина. Окажите благодѣяніе, не откажите въ моей просьбѣ! Вы не можете себѣ представить, какое наслажденіе....

Гарпагонъ. Иду, иду, меня зовутъ, кажется. До свиданія, до свиданія!

Фрозина (*одна*). Чтобъ лихорадка тебя трясла, проклятый старикашка! Убирайся ко всѣмъ чертямъ! Эдакій скряга! Эдакій кремень! А все таки я этого дѣла не оставлю. Если не здѣсь, то, во всякомъ случаѣ, у той стороны заработаю себѣ малую толику.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ [1]).

ЯВЛЕНІЕ I.

Гарпагонъ, Клеантъ, Елиза, Валеръ, Клавдія съ половой щеткой въ рукахъ, Жакъ, Ламерлюшъ, Брендавуанъ.

Гарпагонъ. Эй, вы, подите сюда всѣ, я сдѣлаю распоряженія относительно сегодняшняго вечера и укажу, что кому дѣлать. Подойдите, Клавдія—начнемъ съ васъ. Вотъ и ладно, уже при оружіи. Я вамъ поручаю прибрать и поочистить все по дому, да смотрите не слишкомъ ужъ трите мебель, чтобы не порвать обивки. Кромѣ того, за ужиномъ извольте наблюдать за бутылками; если пропадетъ хоть одна изъ нихъ или разобьется что—съ васъ взыщется, вычту изъ жалованья.

Жакъ (*въ сторону*). Наказаніе политичное.

Гарпагонъ (*Клавдіи*). Ступайте.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, безъ Клавдіи.

Гарпагонъ. Вы, Брендавуанъ, и вы, Ламерлюшъ—состоять при мытьѣ посуды и разносить напитки—да только

---

[1]) Послѣднія три дѣйствія въ переводѣ А. Ч.

тѣмъ, кого ужъ очень жажда разберетъ, и не такъ, какъ иные наглые лакеи, имѣющіе обыкновеніе приглашать каждаго и чуть не насильно поить, когда люди и не думаютъ о томъ. Ждите, чтобы сами спросили, и не разъ; да не забывайте подавать побольше воды.

Жакъ *(въ сторону)*. Да. Вино шибаетъ въ голову.

Ламерлюшъ. Прикажете намъ, баринъ, снять передники?

Жакъ. Да, когда станутъ подъѣзжать гости: смотрите, платья не запачкать.

Брендавуанъ. Вы вѣдь знаете, баринъ, что у меня на камзолѣ, на самомъ переду, большое масляное пятно отъ лампы.

Ламерлюшъ. А у меня, баринъ, на панталонахъ дыра сзади, такъ что...

Гарпагонъ (*Ламерлюшу*). Довольно: старайтесь больше держаться спиною къ стѣнѣ, а къ гостямъ передомъ. (*Брендавуану, показывая, какъ онъ долженъ держать шляпу передъ собою, чтобы закрыть ею масляное пятно*). А вы держите шляпу вотъ такъ, когда будете служить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже безъ Брендавуана и Ламерлюша.

Гарпагонъ. Что касается васъ, дочь моя, присмотрите за всѣмъ, когда будутъ убирать со стола; позаботьтесь, чтобы тутъ не произошло какого убытка. Это дѣло молодыхъ дѣвицъ. При этомъ приготовьтесь получше встрѣтить близкую мнѣ особу, которая посѣтитъ насъ и затѣмъ повезетъ васъ съ собою на ярмарку. Слышите, что я вамъ говорю?

Елиза. Да, папенька.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, безъ Елизы.

Гарпагонъ. А вы, сынокъ-франтикъ, которому, по добротѣ своей, я простилъ давишнюю исторію, не вздумайте-ка тоже встрѣтить ее косо.

Клеантъ. Я, папенька? косо? за что?

Гарпагонъ. Э! Богъ мой! Знаемъ мы, какъ не нравится дѣтямъ, когда отецъ женится во второй разъ, и какими глазами смотрятъ они на такъ называемую мачеху. Но если хотите, чтобы я забылъ послѣднюю продѣлку—рекомендую вамъ встрѣтить эту особу съ самымъ привѣтливымъ лицомъ и оказать ей вообще наилучшій пріемъ, какой только возможно.

Клеантъ. Сказать по правдѣ, батюшка, не поручусь за то, чтобы я могъ быть особенно доволенъ, назвавъ ее своею мачехой — я бы солгалъ, утверждая противное; но что я встрѣчу ее самымъ любезнымъ образомъ—въ томъ обѣщаю вамъ полное повиновеніе.

Гарпагонъ. Смотрите-же, чтобъ это было такъ.

Клеантъ. Съ этой стороны, останетесь довольны мною, увидите.

Гарпагонъ. Весьма разумно будетъ съ вашей стороны.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гарпагонъ, Валеръ, Жакъ.

Гарпагонъ. Ну, Валеръ, теперь ты мнѣ помоги. Вы, Жакъ, остались напослѣдокъ.

Жакъ. Вамъ кого собственно угодно, баринъ: кучера или повара? Я вѣдь и то, и другое.

Гарпагонъ. Оба мнѣ нужны.

Жакъ. Но кто изъ двухъ раньше?

Гарпагонъ. Поваръ.

Жакъ. Извольте-же повременить минуточку. *(Жакъ снимаетъ кучерской армякъ и остается въ поварскомъ костюмѣ)*.

Гарпагонъ. На какого чорта ты продѣлываешь всю эту церемонію?

Жакъ. Теперь извольте говорить.

Гарпагонъ. Сегодня вечеромъ, Жакъ, у меня званый ужинъ.

Жакъ (*въ сторону*). Чудеса, да и только!

Гарпагонъ. Что-же, будетъ все приготовлено, какъ слѣдуетъ?

Жакъ. Да, если будетъ отпущено, какъ слѣдуетъ, денегъ.

Гарпагонъ. Что за чортъ—вѣчно деньги! Точно у него нѣтъ иного слова, какъ деньги, деньги, деньги! И на языкѣ-то только деньги! Вѣчно о деньгахъ. Это у васъ излюбленный конекъ—деньги.

Валеръ. Самый нахальнѣйшій отвѣтъ, доложу вамъ. Вотъ невидаль какая—изготовить хорошо на хорошія деньги. Легче ничего не можетъ быть на свѣтѣ, всякій дуракъ это сдѣлаетъ; нѣтъ, извольте-ка прекрасно приготовить на маленькія деньги—вотъ это будетъ ловко!

Жакъ. Хорошо приготовить на маленькія деньги!

Валеръ. Да.

Жакъ (*Валеру*). Ей-ей, г. управляющій, очень одолжилибы, показавъ, какъ это дѣлается подобный фокусъ. Не угодно-ли вамъ самимъ взяться за это,—все равно путаетесь вѣдь не въ свое дѣло.

Гарпагонъ. Молчать! Что-же вамъ нужно будетъ?

Жакъ. Вотъ г. управляющій за малыя деньги изготовятъ вамъ богатый ужинъ.

Гарпагонъ Тебя спрашиваютъ, такъ ты и отвѣчай!

Жакъ. Сколько персонъ будетъ за ужиномъ?

Гарпагонъ. Восемь или десять, но будемъ считать восемь. Если изготовлено на восемь, хватитъ и десяти.

Валеръ. Само собою разумѣется.

Жакъ. Ну-съ, надобно четыре горячихъ, да пять блюдъ... Бульонъ... Соусъ...

Гарпагонъ. Стой! этакъ можно весь городъ окормить.

Жакъ. Жар...

Гарпагонъ (*закрывая ему ротъ рукою*). Ахъ, разбойникъ! Да ты все мое состояніе положишь на этотъ ужинъ.

Жакъ. Рыбное-съ...

Гарпагонъ (*снова закрывая ему ротъ*). Еще!

Валеръ (*Жаку*). Вы, должно быть, хотите на смерть окормить ихъ всѣхъ? Развѣ баринъ пригласили этихъ господъ на то, чтобы ихъ въ постель уложить послѣ ужина? Извольте-ка заглянуть въ наставленія о сбереженіи здоровья и спросить у докторовъ, можетъ ли быть что-нибудь вреднѣе излишества въ пищѣ.

Гарпагонъ. Онъ правъ.

Валеръ. Было-бы вамъ, Жакъ, извѣстно, вамъ и всѣмъ вамъ подобнымъ, что столъ обильный мясною пищей—дѣло убійственное для человѣка, что тотъ только хозяинъ можетъ быть названъ истиннымъ другомъ своихъ гостей, у котораго за столомъ господствуетъ умѣренность, ибо, какъ говорили въ древности, *слѣдуетъ ѣсть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы ѣсть.*

Гарпагонъ. Ахъ, какое мудрое изрѣченіе! Подойди-ка, я обниму тебя за эти слова. Вотъ прекраснѣйшее изрѣченіе, какое когда-либо я слышалъ въ жизни: *слѣдуетъ жить, чтобы ѣсть, а не ѣсть, чтобы ж*... Нѣтъ, не такъ. Какъ это ты сказалъ?

Валеръ. Слѣдуетъ ѣсть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы ѣсть.

Гарпагонъ (*Жаку*). Да, слышалъ? (*Валеру*) Какой великій человѣкъ сказалъ эти слова?

Валеръ. Не помню, въ настоящую минуту, какъ его имя.

Гарпагонъ. Не забудь записать мнѣ эти слова: я велю вырѣзать ихъ золотыми буквами надъ каминомъ въ моей столовой.

Валеръ. Непремѣнно-съ. Что касается вашего ужина, то предоставьте это дѣло мнѣ; я ужъ все устрою, какъ слѣдуетъ.

Гарпагонъ. Займись, пожалуйста.

Жакъ. Тѣмъ лучше! мнѣ меньше хлопотъ будетъ.

Гарпагонъ (*Валеру*). Возьми чего-нибудь посытнѣе—этакъ, фасоли, что-ли, пожирнѣе, да какую-нибудь тамъ запеканку, гарнированную каштанами.

Валеръ. Да ужъ положитесь на меня.

Гарпагонъ. Теперь, Жакъ, надобно вычистить мою карету.

Жакъ. Позвольте, это относится къ кучеру. (*Надѣваетъ армякъ*) Что изволите?...

Гарпагонъ. Надобно вычистить мою карету, да чтобы лошади были готовы, когда понадобится везти на ярмарку...

Жакъ. Ваши лошади? Да онѣ, ей Богу, и съ мѣста не могутъ тронуться. Не скажу, чтобы имъ лѣнь было разстаться съ мягкой подстилкой—ея и въ заводѣ у нихъ никогда не бывало, но вы подвергаете ихъ такому строгому воздержанію въ пищѣ, что это не лошади, а скорѣе какія-то привидѣнія, тѣни лошадей.

Гарпагонъ. Вотъ-те и разъ! Да вѣдь онѣ-же ничего не дѣлаютъ.

Жакъ. А если и ничего не дѣлаютъ, баринъ, то нельзя-же имъ и ѣсть-то ничего не давать. Имъ-бы, бѣднягамъ, лучше побольше работать, да за то и ѣсть вволю. Сердце болитъ глядѣть, какъ онѣ отощали — вѣдь я такъ люблю моихъ лошадушекъ, точно самъ голодаю вмѣстѣ съ ними. У себя изо рта оторвешь иной разъ кусокъ для нихъ: грѣшно такъ безъ всякаго состраданія относиться къ своему ближнему.

Гарпагонъ. Эка работа-то—довезти до ярмарки!

Жакъ. Нѣтъ, у меня не хватитъ смѣлости запречь ихъ, рука не поднимется на нихъ съ кнутомъ въ такомъ состояніи. Гдѣ-же имъ двинуть карету? онѣ и сами-то еле двигаются.

Валеръ. Я, баринъ, попрошу сосѣда Пикара поѣхать за кучера; онъ кстати-же поможетъ намъ и управиться съ ужиномъ.

Жакъ. Ладно. По мнѣ, коли имъ околѣвать, то пусть ужъ лучше не отъ моей руки околѣютъ.

Валеръ. Жакъ умѣетъ быть разсудительнымъ.

Жакъ. Г. управляющій за то умѣетъ пристегнуть себя во всякое дѣло.

Гарпагонъ. Молчать!

Жакъ. Баринъ, терпѣть не могу подлипалъ; я его вижу насквозь: это вѣчное подглядываніе, да поминутный надзоръ за хлѣбомъ и виномъ, дровами, солью и свѣчами имѣютъ одну цѣль—подобраться да подольститься къ барину. Это меня бѣситъ и больно мнѣ слышать постоянно, что говорятъ про васъ—какъ хотите, я вамъ не чужой человѣкъ и, послѣ своихъ лошадушекъ, вы у меня на первомъ мѣстѣ.

Гарпагонъ. Нельзя-ли мнѣ узнать, Жакъ, что же такое говорятъ обо мнѣ?

Жакъ Вы изволите разгнѣваться.

Гарпагонъ. Нисколько.

Жакъ. Ну, ужъ извините; я хорошо знаю, что разсердитесь.

Гарпагонъ Напротивъ, это мнѣ доставитъ удовольствіе: мнѣ весьма пріятно будетъ узнать, что говорятъ обо мнѣ.

Жакъ Если ужъ вамъ такъ угодно, баринъ, скажу по чистой совѣсти, что всѣ смѣются надъ вами, со всѣхъ сторонъ сыплются остроты на вашъ счетъ, каждый охотно болтаетъ про вашу милость и сотни анекдотовъ ходятъ о вашей скаредности. Одинъ разсказываетъ, что вы печатаете особые календари, въ которыхъ показываете вдвое болѣе постовъ, чѣмъ есть, и принуждаете слугъ постить по нимъ; другой говоритъ, что у васъ нарочно припасается какая-нибудь ссора подъ праздникъ или когда приходится расчитывать слугу, чтобы не заплатить ни гроша. Тотъ передаетъ, что вы однажды подали въ судъ жалобу на кошку одного сосѣда за то, что она будто-бы стащила у васъ кусокъ баранины; другой болтаетъ, что васъ поймали однажды ночью, когда вы собирались украсть овесъ у своихъ-же лошадей и кучеръ вашъ, который былъ передо мной, въ темнотѣ-то отсчиталъ вамъ немало ударовъ палкой, о которыхъ вы не сказали никому ни слова. Наконецъ, знаете-ли что? Куда ни пойдешь, вездѣ честятъ васъ на всѣ лады. Вы—общее посмѣшище всѣхъ и каждаго, и васъ иначе не называютъ, какъ скупой, скряга, сквалыга и скаредъ.

Гарпагонъ *(бьетъ его палкой)*. Ахъ, ты дуракъ, негодяй, нахалъ!

Жакъ. Видите-ли, я говорилъ вѣдь, что такъ будетъ. Вы мнѣ не вѣрили. Я хорошо зналъ, что правда глаза колетъ и что вы непремѣнно разгнѣваетесь.

Гарпагонъ. Впередъ знай, что говорить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Валеръ, Жакъ.

Валеръ. Видно, Жакъ, за откровенность-то плохая плата.

Жакъ. Эхъ, г. пришлецъ, раздувающій себя въ важную особу, не ваше это дѣло, чортъ возьми! Смѣйтесь надъ палочными ударами, которые вамъ самимъ отсчитаютъ, а надъ моими нечего зубы-то скалить!

Валеръ Полноте, Жакъ, не сердитесь, прошу васъ.

Жакъ (*въ сторону*). Присмирѣлъ. Прикинусь храбрецомъ, и если онъ достаточно глупъ, чтобы испугаться меня, можно и бока намять. (*Громко*) Было-бы вамъ извѣстно, г. зубоскалъ, что я совсѣмъ не расположенъ смѣяться, и если выведете меня изъ терпѣнія, вы у меня засмѣетесь не такъ! *(Толкаетъ Валера въ глубину сцены, угрожая ему кулакомъ)*.

Валеръ. Потише, потише!

Жакъ. Чего потише? Такъ мнѣ угодно, вотъ вамъ и все.

Валеръ. Пожалуйста!

Жакъ. Наглецъ этакой!

Валеръ. Но послушайте, Жакъ...

Жакъ. Нечего тамъ—послушайте... Вотъ возьму палку, да отсчитаю тебѣ...

Валеръ. Какъ, палку? (*Валеръ напираетъ, въ свою очередь, на Жака*).

Жакъ. Ну, ну, я не о томъ говорю.

Валеръ. Да знаете-ли, глупый вы человѣкъ, я самъ васъ такъ отдую...

Жакъ. Статочное дѣло.

Валеръ. Да что ты такое? Дрянной какой-нибудь поваришко—вотъ и все.

Жакъ. Знаю, знаю.

Валеръ. Ты, видно, меня еще не знаешь?

Жакъ. Виноватъ.

Валеръ. Такъ ты меня отдуть собираешься?

Жакъ. Это я шутя.

Валеръ. Ну, а мнѣ такія шутки не нравятся. *(Колотитъ его)* Знай-же, что ты плохой шутникъ.

Жакъ (*одинъ*). Ну ее, откровенность, къ чорту! Дѣло совсѣмъ убыточное: отнынѣ никогда не буду откровеннымъ, да и правды никогда не скажу. Пусть-бы еще баринъ—онъ все-таки въ правѣ драться. А то управляющій—ну, я ему отплачу еще когда-нибудь за все!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маріанна, Фрозина, Жакъ.

Фрозина. Не знаете-ли, Жакъ, дома вашъ баринъ?

Жакъ. Дома-съ, дома; ужъ чего лучше мнѣ знать.

Фрозина. Скажите ему, пожалуйста, что мы здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маріанна, Фрозина.

Маріанна. Ахъ, Фрозина, въ какомъ я странномъ положеніи! И если сказать, что чувствуешь,—какъ страшно мнѣ!

Фрозина. Но почему-же и чего вы опасаетесь?

Маріанна. И вы еще спрашиваете меня? Представьте себѣ мучительное состояніе человѣка при видѣ плахи, на которую его сейчасъ взведутъ.

Фрозина. Я хорошо вижу, что собираясь умереть съ нѣкоторой пріятностью, вы всего менѣе желали-бы встрѣтить, въ качествѣ плахи, стараго Гарпагона; по лицу вашему, вижу, что тутъ скорѣе приходитъ вамъ въ голову юный блондинъ, о которомъ вы мнѣ говорили.

Маріанна. Да, Фрозина, такъ — не стану отпираться; посѣтивъ насъ нѣсколько разъ, онъ оставилъ въ душѣ моей, не скрою, нѣкоторое впечатлѣніе.

Фрозина. Вы знали, кто онъ?

Маріанна. Нѣтъ, я и теперь его не знаю. Я знаю лишь, что его нельзя не полюбить, что еслибы мнѣ предоставленъ былъ выборъ, я остановилась-бы на немъ скорѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, и что онъ въ значительной степени усилилъ во мнѣ чувство отвращенія къ супругу, котораго мнѣ хотятъ дать.

Фрозина. Богъ мой! Всѣ эти блондины народъ пріятный и съ удовольствіемъ можно поболтать съ ними; но большинство изъ нихъ—нищіе; вамъ-же, по моему, лучше взять стараго мужа да побольше денегъ. Конечно, въ такомъ бракѣ немного пищи для сердца; но вѣдь и то сказать—не на долго выходите: смерть его, повѣрьте, не заставитъ себя долго ждать.

Маріанна. Фрозина, но вѣдь это ужасно, если для того, чтобы быть счастливой, необходимо желать или ожидать чьей-нибудь смерти, да и самая смерть не всегда согласуется съ нашими проэктами.

Фрозина. Да вы смѣетесь что-ли? Вамъ не слѣдуетъ и выходить за него иначе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ поскорѣй оставилъ васъ вдовою; это должно быть однимъ изъ условій брачнаго договора. Онъ будетъ величайшій нахалъ, если не отправится черезъ три мѣсяца къ праотцамъ!—Вотъ и онъ собственной своей особой.

Маріанна. Ахъ, Фрозина, что за фигура!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Гарпагонъ.

Гарпагонъ (*Маріаннѣ*). Вы не обижайтесь, моя красавица, что я прихожу къ вамъ съ очками на носу. Черты вашего лица, вашъ станъ, ваша фигура безъ того бросаются

въ глаза, ихъ нельзя не видѣть и безъ очковъ; но звѣзды обыкновенно наблюдаютъ въ окуляры, я же утверждаю и клянусь, что вы звѣзда, прекраснѣйшая изъ звѣздъ, какія когда-либо бывали на чудномъ небосклонѣ. *(Фрозинѣ)* Фрозина, она что-то молчитъ и, кажется, ничѣмъ не выражаетъ своего восторга при видѣ меня.

Фрозина. Видите-ли, она поражена неожиданностью; притомъ-же дѣвицы обыкновенно стѣсняются высказать сразу, что у нихъ на душѣ.

Гарпагонъ (*Фрозинѣ*). Правда. (*Маріаннѣ*) Вотъ, милочка, дочь моя—позвольте представить.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже, Елиза.

Маріанна. Прихожу къ вамъ, сударыня, съ запоздалымъ визитомъ.

Елиза. Вы дѣлаете то, что я бы должна была сдѣлать, мнѣ слѣдовало предупредить ваше посѣщеніе

Гарпагонъ. Видите, какая она у меня большая: худая трава въ ростъ идетъ.

Маріанна (*тихо Фрозинѣ*). О! какой отвратительный человѣкъ!

Гарпагонъ (*тихо Фрозинѣ*). Что красавица говоритъ?

Фрозина. Что она находитъ васъ обворожительнымъ.

Гарпагонъ. Много чести для меня, обожаемая.

Маріанна (*въ сторону*). Какое животное!

Гарпагонъ. Благодарю васъ за эти чувства.

Маріанна (*въ сторону*). Я едва удерживаюсь.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, Клеантъ, Валеръ, Брендавуанъ.

Гарпагонъ. А вотъ и сынъ мой—рекомендую.

Маріанна (*тихо Фрозинѣ*). Ахъ, Фрозина! какая встрѣча! вѣдь это тотъ, о которомъ я тебѣ говорила.

Фрозина (*Маріаннѣ*). Вотъ такъ исторія!

Гарпагонъ. Вы, я вижу, удивляетесь, что у меня такія большія дѣти; но я скоро отдѣлаюсь отъ обоихъ.

Клеантъ (*Маріаннѣ*) Правду сказать, сударыня, это—происшествіе, котораго я, конечно, не ожидалъ, и мой отецъ немало удивилъ меня, объявивъ недавно свое намѣреніе.

Маріанна. Я могу сказать то-же. Эта непредвидѣнная встрѣча поразила и меня не менѣе васъ; для меня она оказалась совершенной неожиданностью.

Клеантъ. Правда, мой отецъ, сударыня, не могъ сдѣлать выбора прекраснѣе, и честь видѣть васъ возбудила во мнѣ живѣйшую радость; но при всемъ томъ не стану увѣрять васъ, что перспектива имѣть васъ своею мачехой способна осчастливить меня. Признаюсь, на комплименты я не мастеръ, и потому скажу, что этого званія я совсѣмъ вамъ не желаю. Слова мои могутъ показаться грубыми въ глазахъ иныхъ людей, но я увѣренъ, что вы именно примете ихъ, какъ слѣдуетъ, что вы легко представите себѣ, сударыня, съ какими чувствами отношусь я къ этому браку, что—зная, кто я—вы не сомнѣваетесь, до чего онъ противенъ моимъ интересамъ и что вы наконецъ позволите мнѣ сказать вамъ, съ разрѣшенія моего отца, что будь это въ моей власти—брака этого не было-бы никогда.

Гарпагонъ. Крайне дерзкія рѣчи! Какую исповѣдь онъ прочелъ!

Маріанна. А я, въ отвѣтъ вамъ, скажу, что дѣло тутъ обоюдное, и что если вамъ противно будетъ видѣть во мнѣ мачеху, то и я съ неменьшимъ неудовольствіемъ встрѣчу въ васъ своего пасынка. Не подумайте, прошу васъ, что я собственно стараюсь причинить вамъ эту непріятность. Мнѣ было-бы очень тяжело огорчить васъ, и если меня не принудитъ къ тому какая-нибудь неотвратимая сила, даю вамъ слово, что я не соглашусь на бракъ, который васъ огорчаетъ.

Гарпагонъ. Она права. На глупое привѣтствіе нуженъ и отвѣтъ такой-же. Прошу васъ, моя красавица, извинить

дерзость моего сына; этотъ незрѣлый глупецъ не понимаетъ еще того, что говоритъ.

Маріанна. Увѣряю васъ, то, что онъ сказалъ мнѣ, нисколько меня не оскорбило; напротивъ, я съ удовольствіемъ выслушала это объясненіе его истинныхъ чувствъ. Я предпочитаю отъ него такого рода признаніе, и еслибы онъ заговорилъ иначе, я не могла бы его уважать.

Гарпагонъ. Вы слишкомъ добры, извиняя такимъ образомъ его ошибки. Современемъ онъ поумнѣетъ, и вы увидите, что чувства его измѣнятся.

Клеантъ. Нѣтъ, батюшка, я не способенъ ихъ измѣнить, и усердно прошу васъ, сударыня, вѣрить этому.

Гарпагонъ. Посмотрите, что за сумасшедшій! Поправился, нечего сказать.

Клеантъ. Могу-ли я измѣнить чувству?

Гарпагонъ. Опять! не угодно ли вамъ перемѣнить разговоръ!

Клеантъ. Хорошо! если вы хотите, чтобы я заговорилъ въ другомъ тонѣ,—позвольте, сударыня, занять здѣсь мѣсто моего отца и сказать вамъ, что я не знаю ничего въ мірѣ прелестнѣе васъ, что я не могу представить себѣ ничего выше счастія понравиться вамъ, и что быть вашимъ супругомъ это такая высокая честь, которую я не промѣнялъ бы на званіе величайшихъ царей земныхъ. Да, сударыня, счастіе назвать васъ своею превыше всѣхъ иныхъ благъ міра, въ немъ была бы вся моя гордость. Нѣтъ такого подвига, котораго я не способенъ былъ бы совершить, чтобы завоевать себѣ такое сокровище, и самыя непреодолимыя препятствія...

Гарпагонъ. Потише, сынокъ, потише, пожалуйста!

Клеантъ. Это—привѣтствіе, которое я говорю отъ вашего имени.

Гарпагонъ. Богъ мой! у меня есть свой языкъ, чтобы выразить все, и мнѣ не нужны ходатаи въ родѣ тебя. Ну, подайте стулья!

Фрозина. Нѣтъ, лучше поѣдемъ теперь-же на ярмарку,

чтобы вернуться пораньше, и тогда будете имѣть время достаточно наговориться.

Гарпагонъ (*Брендавуану*). Заложить лошадей въ карету!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже безъ **Брендавуана.**

Гарпагонъ (*Маріаннѣ*). Извините, моя красавица, что я не вспомнилъ предложить вамъ немного закусить передъ поѣздкой.

Клеантъ. Я предусмотрѣлъ это, батюшка, и распорядился уже принесть сюда нѣсколько ящиковъ китайскихъ померанцевъ, сладкихъ апельсинъ и конфектъ, которые заказаны отъ вашего имени.

Гарпагонъ (*тихо Валеру*). Валеръ!

Валеръ (*Гарпагону*). Рехнулся совсѣмъ!

Клеантъ. Можетъ быть, вы находите, батюшка, что этого мало? Сударыня, конечно, будетъ такъ добра и извинитъ насъ.

Маріанна. Право, это совсѣмъ лишнее.

Клеантъ. Сударыня, взгляните, какой чудный брилліантъ у отца на рукѣ!

Маріанна. Да, прекрасный блескъ.

Клеантъ (*снимая у отца съ руки перстень и подавая Маріаннѣ*) Разсмотрите его поближе.

Маріанна. Превосходный перстень и чудной воды.

Клеантъ (*становясь передъ Маріанной, которая хочетъ возвратить перстень*). Ни-ни, сударыня: онъ въ такихъ прелестныхъ рукахъ. Это подарокъ, который дѣлаетъ вамъ мой отецъ.

Гарпагонъ. Я?

Клеантъ. Не правда ли, батюшка, вы желаете, чтобы ваша невѣста сохранила его у себя на память отъ васъ?

Гарпагонъ (*тихо сыну*). Что такое?

Клеантъ (*Маріаннѣ*). Усердно проситъ. Сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы уговорить васъ.

Маріанна. Я не хочу...

Клеантъ (*Маріаннѣ*). Вы шутите. Онъ не возьметъ назадъ.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Я въ бѣшенствѣ!

Маріанна. Это было бы....

Клеантъ (*не давая Маріаннѣ возвратить перстень*). Нѣтъ, нѣтъ, повторяю вамъ, онъ обидится...

Маріанна. Пощадите...

Клеантъ. Невозможно.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Чтобъ ты пропалъ!

Клеантъ. Видите, видите, вашъ отказъ смутилъ его.

Гарпагонъ (*тихо сыну*). Подлецъ!

Клеантъ (*Маріаннѣ*). Какъ видите, онъ въ отчаяніи.

Гарпагонъ (*тихо, съ угрозой сыну*). Разбойникъ ты эдакій!

Клеантъ. Батюшка, я не виноватъ! Всячески стараюсь убѣдить ее принять подарокъ; но она непреклонна.

Гарпагонъ (*тихо, съ угрозой, сыну*). На висѣлицу бы тебя!

Клеантъ. Вы, сударыня, виновны, что отецъ бранитъ меня.

Гарпагонъ (*тихо сыну съ прежней угрозой*). Негодяй!

Клеантъ. (*Маріаннѣ*). Онъ, право, заболѣетъ. Бога ради, сударыня, не отказывайтесь.

Фрозина (*Маріаннѣ*). Боже мой, какія церемоніи! Оставьте у себя перстень, если ужъ такъ желаетъ этого вашъ женихъ.

Маріанна (*Гарпагону*). Чтобы не сердить васъ болѣе, я оставлю его пока у себя, и въ другое время возвращу вамъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже, Брендавуанъ.

Брендавуанъ. Баринъ, тамъ пришелъ къ вамъ какой-то человѣкъ.

Гарпагонъ. Скажи ему, что я занятъ; пусть придетъ въ другой разъ.

Брендавуанъ. Говоритъ, что принесъ вамъ деньги.

Гарпагонъ (*Маріаннѣ*). Извините, сейчасъ возвращусь.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Гарпагонъ, Маріанна, Елиза, Клеантъ, Валеръ, Фрозина, Ламерлюшъ.

Ламерлюшъ (*вбѣгая, сталкивается съ Гарпагономъ*). Баринъ...

Гарпагонъ. Ахъ, убили...

Клеантъ. Что съ вами, батюшка? вы ушиблись?

Гарпагонъ. Бездѣльникъ вѣрно получилъ деньги отъ моихъ должниковъ, и вотъ теперь зарѣзалъ меня...

Валеръ (*Гарпагону*). Дѣло невозможное.

Ламерлюшъ (*Гарпагону*). Извините, баринъ, я поспѣшилъ прибѣжать; полагалъ, лучше сдѣлаю....

Гарпагонъ. Ты зачѣмъ сюда явился, разбойникъ?

Ламерлюшъ. Сказать вамъ, что обѣ ваши лошади расковались.

Гарпагонъ. Живо отведи ихъ къ кузнецу.

Клеантъ. Пока ихъ подкуютъ, я, вмѣсто васъ, покажу имъ домъ и проведу въ садъ, куда прикажу подать разныя сладости.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Гарпагонъ, Валеръ.

Гарпагонъ. Валеръ, присмотри тутъ за всѣмъ, и постарайся, прошу тебя, спасти, что можно: уцѣлѣвшее отослать обратно въ лавку.

Валеръ. Слушаюсь.

Гарпагонъ (*одинъ*). Дерзкій сынъ! онъ хочетъ разорить меня.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеантъ, Маріанна, Елиза, Фрозина.

Клеантъ. Войдемъ сюда; тутъ намъ будетъ удобнѣе. Кругомъ нѣтъ никого подозрительнаго, можемъ говорить свободно.

Елиза. Да, сударыня, братъ признался мнѣ въ своихъ чувствахъ къ вамъ. Я знаю, сколько горя и непріятностей можетъ причинить подобное совпаденіе обстоятельствъ, и увѣряю васъ, я съ величайшимъ сочувствіемъ и участіемъ отношусь къ вамъ.

Маріанна. Какъ отрадно и утѣшительно, когда къ тебѣ относится участливо такая особа, какъ вы. Клянусь, я никогда не забуду вашего великодушнаго участія ко мнѣ, способнаго такъ усладить суровыя испытанія судьбы.

Елиза. Право, несчастные вы люди оба; почему вы не предупредили меня раньше объ этомъ Разумѣется, я отклонила-бы отъ васъ это безпокойство и не довела бы дѣла до того положенія, въ какомъ оно находится въ настоящее время.

Клеантъ. Что дѣлать! Такова ужъ моя горькая судьбина! Но, прекрасная Маріанна, на что же вы рѣшились?

Маріанна. Увы! какое же я могу придумать рѣшеніе? Связанная по рукамъ и ногамъ, я могу лишь выражать пожеланія.

Клеантъ. И такъ, въ сердцѣ вашемъ на мою долю не остается иной опоры, какъ пожеланія. Къ чему мнѣ это торжественное состраданіе? къ чему доброта изъ милости? Гдѣ же болѣе дѣятельное сочувствіе?

Маріанна. Не знаю, что и сказать вамъ! Поставьте себя на мое мѣсто, и тогда увидите, что я могу сдѣлать. Совѣтуйте же, приказывайте — я во всемъ подчинюсь вамъ; считаю васъ на столько благоразумнымъ, что вы не потребуете отъ меня того, чего не допускаютъ честь и приличіе.

Клеантъ. Фрозина, бѣдная моя Фрозина, ты не откажешь помочь намъ?

Фрозина. Отъ чистаго сердца. Но что же мы можемъ сдѣлать?

Клеантъ. Подумай, прошу тебя.

Елиза. Придумай что-нибудь, чтобы разрушить сдѣланное тобою же.

Фрозина. Трудное дѣло. (*Маріаннѣ*) Съ вашей матушкой еще можно будетъ сладить, и она согласится, вмѣсто отца, благословить сына. (*Клеанту*) Все зло заключается въ томъ, что вашъ отецъ—именно вашъ отецъ.

Клеантъ. Правда.

Фрозина. Если отказать ему—разсердится и не согласится на вашъ бракъ. Нужно такъ устроить, чтобы самъ онъ отказался, постараться какъ-нибудь, чтобы вы ему опротивѣли. Но какъ это сдѣлать? Постойте: еслибы намъ подъискать какую-нибудь женщину, пожилую и ловкую, которая недурно могла бы съиграть роль знатной дамы, подъ именемъ какой-нибудь маркизы или виконтессы, родомъ изъ нижней Бретани; я возьмусь за то, чтобы увѣрить вашего батюшку, что это богатая особа, имѣющая, не считая домовъ, наличными сто тысячъ экю, что она влюблена въ него до безумія и жаждетъ сдѣлаться его женой до того, что передаетъ ему въ брачномъ договорѣ все свое имущество,—не сомнѣваюсь, что онъ приметъ ея предложеніе. Вѣдь онъ все-же, я знаю, очень васъ любитъ, но деньги нѣсколько поболѣе; если же затѣмъ, ошеломленный такою выгодной сдѣлкой, онъ согласится на вашу просьбу, бѣда не велика, если онъ впослѣдствіи и разочаруется относительно нашей маркизы.

Клеантъ. Все это прекрасно обдумано.

Фрозина. Да ужъ предоставьте это дѣло мнѣ. Я только что вспомнила про одну изъ моихъ подругъ, которая какъ разъ годится въ маркизы.

Клеантъ. Какъ я тебѣ буду благодаренъ, Фрозина, если ты доведешь это дѣло до конца! Теперь, прелестная Маріан-

на, постарайтесь убѣдить вашу матушку; хорошо ужъ и то, если удастся уничтожить этотъ бракъ. Употребите, съ своей стороны, заклинаю васъ, всѣ усилія, и воспользуйтесь ея любовью къ вамъ. Разверните все обаяніе вашего краснорѣчія, всѣ могущественныя чары вашихъ глазъ и вашихъ устъ; пустите въ дѣло все—нѣжныя слова, тихую мольбу, трогательныя ласки, и я увѣренъ, вамъ ни въ чемъ не откажутъ.

Маріанна. Все сдѣлаю, что могу, и ничто не будетъ упущено.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Гарпагонъ.

Гарпагонъ (*въ сторону, никѣмъ не замѣченный*). Э! мой сынъ цѣлуетъ руку у будущей своей мачехи, а будущая его мачеха, повидимому, не слишкомъ противится. Ужъ нѣтъ ли тутъ какой-нибудь штуки?

Елиза. Вотъ и батюшка.

Гарпагонъ. Карета готова; вы можете ѣхать, когда угодно.

Клеантъ. Такъ какъ вы не ѣдете, папенька, то я отправлюсь съ ними.

Гарпагонъ. Нѣтъ надобности: останься. Онѣ могутъ поѣхать и однѣ, а ты мнѣ нуженъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Гарпагонъ, Клеантъ.

Гарпагонъ. Отложа въ сторону, что она будетъ твоею мачехой, скажи-ка мнѣ, какъ тебѣ показалась эта особа?

Клеантъ. Какъ показалась?

Гарпагонъ. Н-да, ея наружность, ростъ, красота, умъ?

Клеантъ. Какъ вамъ сказать...

Гарпагонъ. Ну, говори, говори.

Клеантъ. Сказать откровенно, нашелъ я ее не такою, какъ полагалъ. Съ виду кокетка, да еще и преоткровенная, сложена какъ-то неуклюже, красоты довольно посредственной

и ума не Богъ знаетъ какого. Не думайте, папенька, что я, говоря это, хочу отвратить ее отъ васъ; мнѣ что — мачеха какъ мачеха, не та, такъ будетъ другая.

Гарпагонъ. Ты однако только что увѣрялъ ее....

Клеантъ. Сказалъ ей, ради васъ, нѣсколько любезностей, чтобы сдѣлать вамъ угодное.

Гарпагонъ. Такъ что она тебѣ и совсѣмъ-таки не нравится?

Клеантъ. Мнѣ? нисколько.

Гарпагонъ. Жаль, это разстраиваетъ одинъ планъ, который пришелъ мнѣ въ голову. Увидя ее здѣсь, я вспомнилъ о своихъ лѣтахъ и подумалъ, что люди станутъ злословить, если я возьму за себя такую молоденькую. Поэтому я рѣшился оставить эту мысль, и такъ какъ я просилъ уже ея руки и заручился ея словомъ, то мнѣ пришло-было въ голову отдать ее тебѣ, если бы не такое у тебя отвращеніе къ ней.

Клеантъ. Мнѣ?

Гарпагонъ. Тебѣ.

Клеантъ. Въ жены?

Гарпагонъ. Въ жены.

Клеантъ. Послушайте. Правда, она не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ; но, чтобы сдѣлать вамъ угодное, папенька, я рѣшусь-таки жениться на ней, если такова ваша воля.

Гарпагонъ. Я благоразумнѣе, чѣмъ ты полагаешь. Мнѣ вовсе не хочется итти наперекоръ твоимъ симпатіямъ.

Клеантъ. Простите, изъ любви къ вамъ я готовъ принудить себя.

Гарпагонъ. Нѣтъ, нѣтъ. Гдѣ нѣтъ склонности другъ къ другу, тамъ не можетъ быть счастія въ супружествѣ.

Клеантъ. Знаете, папенька, это, можетъ быть, современемъ явится само собою — не даромъ говорятъ, что любовь часто бываетъ плодомъ супружества.

Гарпагонъ. Нѣтъ, со стороны мужчины не слѣдуетъ рисковать въ такомъ дѣлѣ—могутъ быть весьма прискорбныя

послѣдствія, за которыя я вовсе не хочу быть въ отвѣтѣ. Еслибы ты чувствовалъ къ ней какое-нибудь расположеніе— въ добрый часъ,—я бы тебя женилъ на ней, вмѣсто себя; но такъ какъ этого нѣтъ, дѣлать нечего, послѣдую прежнему своему намѣренію и самъ женюсь на ней.

Клеантъ. Ну, батюшка, если ужъ дѣло дошло до того, я открою предъ вами свое сердце и выдамъ нашу тайну. По истинѣ, я люблю ее съ того самого дня, когда увидѣлъ ее въ первый разъ на прогулкѣ; сперва я намѣренъ былъ просить ее у васъ себѣ въ жены и только потому остановился, что узналъ о вашихъ чувствахъ и боялся прогнѣвать васъ.

Гарпагонъ. Ты былъ у нея?

Клеантъ. Да.

Гарпагонъ. И много разъ?

Клеантъ. Довольно, если принять во вниманіе, что мы познакомились недавно.

Гарпагонъ. Тебя любезно принимали?

Клеантъ. Очень любезно, хотя и не знали, кто я—вотъ почему Маріанна такъ удивилась, увидѣвъ меня здѣсь.

Гарпагонъ. Ты объяснился ей въ любви и говорилъ, что намѣренъ жениться?

Клеантъ. Конечно, и даже открылся матери.

Гарпагонъ. Что же она приняла твое предложеніе?

Клеантъ. Приняла.

Гарпагонъ. А дочь тоже-чай влюблена въ тебя?

Клеантъ. Повидимому. Я убѣжденъ, папенька, что и она ко мнѣ неравнодушна.

Гарпагонъ (*тихо, въ сторону*). Очень радъ, что открылъ эту тайну—ее-то мнѣ и нужно было узнать. (*Громко*) А знаешь-ли, сынокъ, что тебѣ остается теперь дѣлать? Нужно подумать, какъ бы, разъ навсегда, отдѣлаться отъ этой любовишки, прекратить отнынѣ-же всякія ухаживанія за особой, которая выходитъ за твоего отца, и какъ можно скорѣе жениться на той, которую вамъ укажутъ.

Клеантъ. Да, такъ вотъ какую исторію вы разыграли

со мной! Хорошо-же! Когда такъ, объявляю вамъ, что я не перестану любить Маріанну, не остановлюсь ни предъ чѣмъ, чтобы вырвать ее изъ вашихъ рукъ, и если на вашей сторонѣ будетъ согласіе матери, я найду себѣ, быть можетъ, иныя средства, которыя постоятъ за меня.

Гарпагонъ. Что такое? Ты, негодяй, отважишься отбивать у меня невѣсту?

Клеантъ. Вы отбиваете мою, она раньше дала мнѣ слово.

Гарпагонъ. Развѣ я не отецъ тебѣ? Ты долженъ почитать меня.

Клеантъ. Въ такихъ случаяхъ, нѣтъ различія между сыномъ и отцемъ: любовь не знаетъ никого.

Гарпагонъ. Вотъ какъ отколочу я тебя палкой, такъ ты меня тогда узнаешь!

Клеантъ. Всѣ ваши угрозы тутъ не подѣйствуютъ.

Гарпагонъ. Изволь отказаться отъ Маріанны!

Клеантъ. И не подумаю.

Гарпагонъ. Подать мнѣ сейчасъ палку!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Жакъ.

Жакъ. Э, э, э! господа, что-жъ это такое? Что вы затѣяли?

Клеантъ. Смѣшите вы меня, право!

Жакъ (*Клеанту*). Ахъ, баринъ, потише!

Гарпагонъ. Говорить такъ дерзко со мной!

Жакъ (*Гарпагону*). Ради Бога, баринъ...

Клеантъ. Не уступлю.

Жакъ (*Клеанту*). Какъ? вашему батюшкѣ?

Гарпагонъ. Не мѣшай, пусти!

Жакъ (*Гарпагону*). Что такое? Сына-то своего? Добро-бы еще меня.

Гарпагонъ. Разсуди ты самъ, Жакъ, это дѣло, и тогда увидишь, что я правъ.

Жакъ. Хорошо. (*Клеанту*) Отойдите-ка къ сторонѣ.

Гарпагонъ. Я люблю одну дѣвушку и хочу на ней жениться, а этотъ негодяй самъ влюбился въ нее и хочетъ отбить у меня, вопреки моей волѣ.

Жакъ. А! онъ виноватъ.

Гарпагонъ. Ну, не возмутительное-ли это дѣло, когда сынъ затѣваетъ соперничество съ отцемъ? Не прямой-ли долгъ его—изъ уваженія къ отцу, не касаться его привязанностей?

Жакъ. Вы правы. Дайте-ка я переговорю съ нимъ, а вы побудьте тутъ.

Клеантъ (*Жаку, который подходитъ къ нему*). Хорошо, если онъ избираетъ тебя судьей, я не имѣю ничего противъ этого; мнѣ все равно, кто бы это ни былъ. Обращаюсь теперь къ тебѣ, Жакъ—разсуди насъ.

Жакъ. Много чести для меня.

Клеантъ. Я люблю одну молодую особу, которая платитъ мнѣ взаимностью и приняла уже сдѣланное мною предложеніе; отецъ-же намѣренъ разрушить нашу любовь, посватавшись тоже за нею.

Жакъ. Разумѣется, онъ виноватъ.

Клеантъ. Не стыдно-ли, въ его годы, мечтать о женитьбѣ? Пристало-ли ему разыгрывать влюбленнаго и не пора-ли предоставить это молодежи?

Жакъ. Вы правы. Онъ шутитъ. Позвольте, я шепну ему пару словъ. (*Гарпагону*) Вашъ сынъ совсѣмъ не такой странный, какъ вы говорите; онъ преблагоразумный человѣкъ. Я, говоритъ, понимаю, что долженъ почитать батюшку; сгоряча, говоритъ, только увлекся немного; не отказывается подчиниться вашей волѣ, лишь-бы вы обращались съ нимъ получше и дали-бы ему въ жены какую-нибудь барышню, которая бы ему пришлась по сердцу.

Гарпагонъ. Скажи-же ему, Жакъ, что за исключеніемъ этого, онъ можетъ получить отъ меня все, что угодно; предоставляю ему полную свободу избрать себѣ, кого угодно, лишь-бы не Маріанну.

Жакъ. Предоставьте ужъ это дѣло мнѣ. (*Клеанту*) Ну-съ, вашъ батюшка вовсе не такой безразсудный человѣкъ, какъ вамъ кажется; по его словамъ, только ваша горячность вывела его изъ себя; ему не нравится вашъ образъ дѣйствій, но онъ совершенно расположенъ доставить вамъ то, что вы желаете, лишь бы это было сдѣлано кротко, лишь бы ему оказаны были почтеніе и покорность, съ какими сынъ долженъ относиться къ своему отцу.

Клеантъ. Ахъ, Жакъ, ты можешь увѣрить его, что если онъ отдастъ мнѣ Маріанну, онъ увидитъ во мнѣ самаго покорнѣйшаго и послушнѣйшаго сына, который никогда и ни по какому поводу не выйдетъ изъ его воли.

Жакъ (*Гарпагону*). Готово-съ; согласенъ на все, что вамъ угодно.

Гарпагонъ. Лучше ничего я и не желаю.

Жакъ (*Клеанту*). Все уладилось; остался доволенъ вашими обѣщаніями.

Клеантъ. Слава Богу!

Жакъ. Господа, теперь вы можете переговорить между собою: вы оба совершенно согласны другъ съ другомъ, и если поссорились, то вслѣдствіе взаимнаго недоразумѣнія.

Клеантъ. Мой бѣдный Жакъ, я буду обязанъ тебѣ всю жизнь.

Жакъ. Не за что-съ, право.

Гарпагонъ. Ты доставилъ мнѣ удовольствіе, Жакъ, и это заслуживаетъ награды. (*Опускаетъ руку въ карманъ, Жакъ протягиваетъ свою, но Гарпагонъ вынимаетъ носовой платокъ, говоря*) Ступай, я этого не забуду, увѣряю тебя.

Жакъ. Цѣлую ваши ручки.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гарпагонъ, Клеантъ.

Клеантъ. Простите мнѣ, папенька, что я позволилъ себѣ погорячиться.

Гарпагонъ. Ничего.

Клеантъ. Клянусь, я весьма сожалѣю объ этомъ.

Гарпагонъ. А я весьма радъ, видя тебя благоразумнымъ.

Клеантъ. Какъ вы добры, забывъ такъ скоро мой проступокъ.

Гарпагонъ. Проступокъ дѣтей легко забывается, когда дѣти возвращаются къ своему долгу.

Клеантъ. И въ васъ не сохранилось на душѣ ни малѣйшей горечи отъ моей вспышки!

Гарпагонъ. Своей покорностью и почтительностью ты, напротивъ, весьма обязалъ меня.

Клеантъ. Клянусь вамъ, папа, до гробовой доски въ сердцѣ моемъ сохранится воспоминаніе о вашей добротѣ!

Гарпагонъ. А я обѣщаю, что тебѣ ни въ чемъ не будетъ отъ меня отказа.

Клеантъ. Ахъ, папенька, мнѣ болѣе ничего отъ васъ не нужно; вы дали мнѣ Маріанну...

Гарпагонъ. Что такое?

Клеантъ. Я говорю, папенька, что очень доволенъ вашей добротой: вы отдали мнѣ Маріанну, и тутъ все, чего я могъ бы пожелать.

Гарпагонъ. Кто же тебѣ сказалъ, что Маріанну отдаютъ тебѣ?

Клеантъ. Вы сами, папенька.

Гарпагонъ. Я?

Клеантъ. Конечно.

Гарпагонъ. Какъ! Да не ты-ли обѣщалъ отказаться отъ нея!

Клеантъ. Я? отказаться?

Гарпагонъ. Да.

Клеантъ. Никогда.

Гарпагонъ. Такъ ты все еще продолжаешь думать о ней?

Клеантъ. Теперь-то болѣе чѣмъ когда-либо.

Гарпагонъ. Что такое? Разбойникъ, негодяй!

Клеантъ. Ничто не измѣнитъ меня.

Гарпагонъ. Ну, подожди, мошенникъ!

Клеантъ. Дѣлайте, что хотите.

Гарпагонъ. Запрещаю тебѣ на глаза мнѣ показываться.

Клеантъ. Тѣмъ лучше.

Гарпагонъ. Я тебя брошу.

Клеантъ. Бросайте.

Гарпагонъ. Откажусь отъ тебя: ты мнѣ не сынъ.

Клеантъ. Что жъ дѣлать!

Гарпагонъ. Лишу наслѣдства.

Клеантъ. Какъ вамъ угодно.

Гарпагонъ. Будь ты проклятъ!

Клеантъ. Ваша воля.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клеантъ, Лафлешъ.

Лафлешъ (*выходя изъ сада, съ шкатулкой въ рукахъ*). Ахъ, баринъ, какъ вы кстати. Пожалуйте за мной скорѣе!

Клеантъ. Что случилось?

Лафлешъ. Пожалуйте за мной, я вамъ говорю: все какъ нельзя лучше.

Клеантъ. Что такое?

Лафлешъ. У насъ въ рукахъ.

Клеантъ. Что?

Лафлешъ. Каждый день подстерегалъ

Клеантъ. Что это такое?

Лафлешъ. Богатства вашего батюшки, которыя я подцѣпилъ.

Клеантъ. Какъ-же ты это сдѣлалъ?

Лафлешъ. Все узнаете. Уйдемъ — слышите, какъ онъ кричитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гарпагонъ (*кричитъ еще въ саду*). Караулъ! воры! воры! разбойники! убійцы! Полицію!... Праведное небо! я погибъ, зарѣзали; прямо за горло: украли мои деньги. Кто такой? Куда дѣвался? Гдѣ онъ? Гдѣ скрылся? Какъ мнѣ его найти? Куда

бѣжать? Куда не бѣжать? Не тутъ-ли онъ? Не тамъ-ли онъ? Кто это? Стой! (*Хватая самъ себя за руку*) Отдай мои деньги, мошенникъ.. Ахъ, это я! Мой умъ мутится, не знаю, гдѣ я, кто я, что дѣлаю! Увы! бѣдныя мои денежки! бѣдныя мои денежки! дорогой другъ мой! отняли тебя у меня; а разъ тебя отняли, я лишился моей опоры, моего утѣшенія, моей радости: все кончено для меня, не къ чему и жить. Безъ тебя — не жизнь. Кончено; не могу болѣе; умираю; умеръ, погребенъ. Нѣтъ-ли доброй души, которая воскресила-бы меня, вернувъ мои дорогія денежки или открывъ, кто взялъ ихъ? Га! что вы говорите? Нѣтъ никого. Кто бы ни былъ воръ, онъ очень ловко улучилъ минуту—выбралъ именно тотъ часъ, когда я бесѣдовалъ съ негодяемъ сыномъ. Уйдемъ. Пойду обращусь къ правосудію; надо допросить весь домъ, горничныхъ, лакеевъ, сына, дочь, меня самого. Народу-то сколько собралось На кого ни взгляну, невольно подозрѣніе закрадывается въ душу, каждый представляется мнѣ воромъ. А! о чемъ тамъ говорятъ? О томъ, кто меня обокралъ? Что тамъ за шумъ? Ужъ не воръ-ли мой тамъ? Ради Бога, если что извѣстно о моемъ злодѣѣ, умоляю—скажите. Не спрятался-ли онъ между вами? Они всѣ смотрятъ на меня, смѣются. Вотъ увидите, всѣ они участвовали въ ограбленіи меня. Сюда, сюда, скорѣй, полицейскихъ, коммиссаровъ, городовыхъ, судей, старшинъ, висѣлицу, палачей. Всѣхъ велю повѣсить, а если не верну своихъ денегъ - повѣшусь самъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гарпагонъ, коммиссаръ.

Коммиссаръ. Предоставьте мнѣ дѣйствовать; я знаю свое дѣло, слава Богу. Не со вчерашняго дня произвожу слѣдствія по отысканію воровъ; если бы мнѣ столько мѣшковъ съ деньгами, сколько я отправилъ этого народу на висѣлицу!

Гарпагонъ. Всѣ судебныя учрежденія стараются поставить, какъ слѣдуетъ, это дѣло; если мнѣ не отыщутъ моихъ денегъ, я потребую суда надъ самимъ судомъ.

Коммиссаръ. Необходимо разслѣдовать это дѣло по горячимъ слѣдамъ. Вы говорите, что въ этой шкатулкѣ хранилось...

Гарпагонъ. Ровно десять тысячъ экю.

Коммиссаръ. Десять тысячъ экю!

Гарпагонъ. Десять тысячъ экю.

Коммиссаръ. Кража значительная-съ.

Гарпагонъ. Нѣтъ кары достойной такого громаднаго преступленія, и если оно останется безнаказаннымъ, самые священнѣйшіе предметы подвергаются опасности.

Коммиссаръ. Въ какой монетѣ хранилась эта сумма?

Гарпагонъ. Въ добрыхъ луидорахъ и весьма полновѣсныхъ пистоляхъ.

Коммиссаръ. Кого вы подозрѣваете въ совершеніи этой кражи?

Гарпагонъ. Всѣхъ, и я требую, чтобы вы арестовали весь городъ съ предмѣстіями.

Коммиссаръ. Не слѣдуетъ пока, повѣрьте мнѣ, никого безпокоить, а втихомолочку постараться найти сперва какія-нибудь улики, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи воздѣйствовать со всею строгостью къ розыску похищенныхъ у васъ денегъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Жакъ.

Жакъ (*въ глубинѣ сцены, обращаясь назадъ*). Сейчасъ приду. Зарѣзать его немедленно; осмолить ему ноги, положить на время въ кипятокъ и повѣсить на потолкѣ.

Гарпагонъ (*Жаку*). Кого повѣсить? Вора?

Жакъ. Поросеночка, намедни прислалъ вашъ управляющій. Я хочу его по-своему приготовить.

Гарпагонъ. Тутъ не о немъ рѣчь. Вотъ господинъ, которому нужно кое-что другое разсказать.

Коммиссаръ (*Жаку*). Вы не пугайтесь. Я вовсе не такой человѣкъ; мы все это обдѣлаемъ тихо-благородно.

Жакъ. Они тоже будутъ ужинать?

Коммиссаръ. Нужно, пріятель, ничего не скрывать отъ вашего хозяина.

Жакъ. Помилуйте-съ, покажу все свое искусство и угощу васъ на славу.

Гарпагонъ. Не въ этомъ дѣло.

Жакъ. Если ужинъ окажется нѣсколько хуже, чѣмъ бы я желалъ, виноватъ нашъ управляющій, который вконецъ подрѣзалъ мнѣ крылья ножницами своей экономіи.

Гарпагонъ. Негодяй! дѣло тутъ не въ ужинѣ; ты лучше разскажи-ка, не знаешь-ли чего новенькаго о деньгахъ, которыя у меня утащили.

Жакъ. У васъ утащили деньги?

Гарпагонъ. Да, плутъ, и я велю тебя повѣсить, если ты ихъ не возвратишь.

Коммиссаръ (*Гарпагону*). Богъ мой, не браните вы его! По лицу видно, что это честный человѣкъ: онъ и безъ всякой тюрьмы откроетъ вамъ все, что вы хотите знать. Да, пріятель, если вы намъ признаетесь, вамъ не сдѣлаютъ ничего дурного, а баринъ наградитъ, какъ слѣдуетъ. У него сегодня украли деньги, и вамъ навѣрное не безъизвѣстно кое-что по этому дѣлу.

Жакъ (*тихо, въ сторону*). Это-то мнѣ и на руку, чтобы отомстить нашему управляющему. Какъ только ступилъ сюда, сейчасъ-же въ фавориты попалъ; по каждому дѣлу слушаютъ его совѣтовъ; кромѣ того, я зубы на него точу за давишнюю палочную расправу.

Гарпагонъ. Ты что тамъ бормочешь?

Коммиссаръ (*Гарпагону*). Оставьте его. Онъ собирается открыть вамъ все—не даромъ я сказалъ вамъ, что это человѣкъ честный.

Жакъ. Баринъ, если хотите, чтобы я вамъ сказалъ все,

такъ это, надо такъ полагать, никто иной, какъ вашъ драгоцѣнный управляющій его рукъ дѣло.

Гарпагонъ. Валеръ!

Жакъ. Да.

Гарпагонъ. Онъ, котораго я считалъ вѣрнымъ человѣкомъ!

Жакъ. Онъ самый. Такъ надо полагать, что это онъ васъ обобралъ.

Гарпагонъ. Да почему же ты это полагаешь?

Жакъ. Почему?

Гарпагонъ. Да.

Жакъ. Полагаю... потому что полагаю.

Коммиссаръ. Необходимо сказать, какія вы имѣете доказательства?

Гарпагонъ. Не видалъ ли ты его близъ того мѣста, гдѣ были спрятаны мои деньги?

Жакъ. Вотъ, вотъ, именно. Гдѣ были ваши деньги?

Гарпагонъ. Въ саду.

Жакъ. Такъ; не даромъ онъ все вертѣлся по саду. А въ чемъ находились деньги?

Гарпагонъ. Въ шкатулкѣ.

Жакъ. Дѣло ясное. Я у него видѣлъ шкатулку.

Гарпагонъ. А какая это была шкатулка. Увидимъ, моя ли это.

Жакъ. Какая шкатулка?

Гарпагонъ. Да!

Жакъ. Шкатулка.... какъ есть шкатулка, самая настоящая.

Коммиссаръ. Такъ-то такъ. Да ты опиши ее, вотъ мы и увидимъ.

Жакъ. Большая шкатулка.

Гарпагонъ. Та, которую у меня украли, была маленькая.

Жакъ. Да, и эта была маленькая, если судить по величинѣ; я ее называлъ большой по тому, что въ ней заключалось.

Коммиссаръ. Какого она цвѣта?

Жакъ. Цвѣта?

Коммиссаръ. Да.

Жакъ. Цвѣта... цвѣта... ахъ, дай Богъ память... Да вы-то забыли что-ли?

Гарпагонъ. А?

Жакъ. Красная будто, что ли?

Гарпагонъ. Нѣтъ, сѣраго цвѣта.

Жакъ. Такъ точно; сѣро-краснаго; я такъ и хотѣлъ сказать.

Гарпагонъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, она, она самая. Записывайте, милостивый государь, записывайте его показанія. О небо, кому же, послѣ этого, вѣрить! Теперь не поручусь ни за кого и ни за что; мнѣ кажется даже, что я способенъ самъ себя обокрасть.

Жакъ (*Гарпагону*). Баринъ, вотъ онъ возвращается. Не говорите же ему, по крайней мѣрѣ, что я открылъ вамъ это.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Валеръ.

Гарпагонъ. Подойди-ка, сознавайся въ самомъ черномъ злодѣяніи, въ ужаснѣйшемъ изъ преступленій, какія когда-либо были совершены смертнымъ.

Валеръ. Что вамъ угодно?

Гарпагонъ. Какъ, негодяй! ты не краснѣешь даже предъ такимъ злодѣяніемъ?

Валеръ. О какомъ злодѣяніи вы изволите говорить?

Гарпагонъ. О какомъ злодѣяніи я изволю говорить, подлецъ! какъ будто самъ не знаешь! Напрасно теперь притворяться; все открыто, и я все знаю. Возможно-ли такъ злоупотребить моей добротой, прокрасться нарочно въ мой домъ, чтобы обмануть мое довѣріе и съиграть мнѣ такую штуку?

Валеръ. Если ужъ все теперь извѣстно, я не стану прибѣгать къ уверткамъ и отнѣкиваться.

Жакъ (*въ сторону*). Ого! не думалъ, не гадалъ, а попалъ, кажись, въ самый разъ!

Валеръ. Намѣреніе мое было разсказать вамъ все и я ждалъ только удобнаго случая; но если такъ, умоляю васъ, не сердитесь и выслушайте меня до конца.

Гарпагонъ. Что жъ ты мнѣ можешь разсказать, безчестный воръ?

Валеръ. Ахъ, я не заслуживаю такого названія. Да, я обидѣлъ васъ, но проступокъ мой извинителенъ.

Гарпагонъ. Какъ! извинителенъ? Грабежъ, самый наглый разбой?

Валеръ. Ради Бога, не сердитесь. Выслушавъ меня, вы увидите, что зло совсѣмъ не такъ велико, какъ вамъ кажется.

Гарпагонъ. Зло не такъ велико, какъ мнѣ кажется! Что? кровь мою, внутренности мои, бездѣльникъ!

Валеръ. Ваша кровь попала не въ злыя руки. Я въ такомъ положеніи, что не причиню ей никакого униженія, да и во всей этой исторіи нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы исправить.

Гарпагонъ. Я этого и добиваюсь; возврати мнѣ только то, что взялъ.

Валеръ. Честь ваша будетъ вполнѣ удовлетворена.

Гарпагонъ. Да дѣло тутъ не въ чести. Скажи же мнѣ, что тебя побудило совершить этотъ поступокъ?

Валеръ. Увы! и вы еще спрашиваете?

Гарпагонъ. Да, спрашиваю.

Валеръ. Божество, оправдывающее все, что бы ни совершилось во имя его – любовь.

Гарпагонъ. Любовь?

Валеръ. Да.

Гарпагонъ. Хороша любовь, нечего сказать! любовь къ моимъ луидорамъ!

Валеръ. О нѣтъ! не богатства ваши плѣнили меня, не имъ меня околдовать; открыто заявляю во всеуслышаніи, что

я не изъявляю на нихъ ни малѣйшей претензіи — оставьте мнѣ лишь то, что уже мое.

Гарпагонъ. Черта съ два! какъ бы не такъ! не оставлю. Посмотрите, какова дерзость! хочетъ краденое оставить у себя.

Валеръ. Вы называете это краденымъ?

Гарпагонъ. А какъ же иначе, позвольте васъ спросить? подобное сокровище?

Валеръ. Да, это такъ, сокровище и, конечно, драгоцѣннѣйшее изъ всего, что у васъ есть; но оставить его у меня еще не значитъ потерять. На колѣняхъ, заклинаю васъ, отдайте мнѣ это сокровище, полное такого обаянія; вы сдѣлаете доброе дѣло, отдавъ мнѣ его.

Гарпагонъ. И не подумаю. Что онъ такое городитъ?

Валеръ. Мы связаны взаимной любовью и поклялись никогда не разлучаться.

Гарпагонъ. Чудная связь, да и клятва то презабавная!

Валеръ. Да, мы поклялись принадлежать другъ другу.

Гарпагонъ. Я помѣшаю этому, будьте увѣрены.

Валеръ. Только смерть одна можетъ насъ разлучить!

Гарпагонъ. Чертовски врѣзался въ мои денежки!

Валеръ. Я уже сказалъ вамъ, что не изъ разсчета сдѣлано мною то, что есть. Сердце мое подчинилось совсѣмъ не тому, что вы полагаете: рѣшимость эта вдохновлена въ меня болѣе благороднымъ побужденіемъ.

Гарпагонъ. Какъ онъ еще не скажетъ, что овладѣлъ моимъ добромъ изъ чувства христіанскаго милосердія! Ну, я распоряжусь съ тобой, какъ слѣдуетъ: правосудіе, отчаянный ты головорѣзъ, разсудитъ все по справедливости.

Валеръ. Обратитесь къ нему: я готовъ вынести всѣ мученія, какимъ вамъ угодно будетъ меня подвергнуть; но умоляю васъ, повѣрьте же, что если тутъ есть что-нибудь дурное, во всемъ я одинъ виноватъ; ваша дочь тутъ ни въ чемъ не повинна.

Гарпагонъ. Я думаю! еще бы дочь моя замѣшалась въ

этомъ преступленіи. Но я хочу знать, какъ все это дѣло было: сознавайся, гдѣ ты у меня ее подцѣпилъ?

Валеръ. Я? Я ее не увозилъ, она еще у васъ.

Гарпагонъ (*въ сторону*). О дорогая шкатулка! (*Громко*). Она не выходила изъ моего дома?

Валеръ. Нѣтъ.

Гарпагонъ. Ну, хорошо! Скажи-ка мнѣ теперь, ты ничего тамъ не трогалъ?

Валеръ. Я? Если-бы вы знали, съ какимъ почтительнымъ, съ какимъ чистымъ чувствомъ я относился къ ней!

Гарпагонъ (*въ сторону*). Это къ моей шкатулкѣ-то!

Валеръ. Я скорѣе умеръ бы, чѣмъ позволилъ себѣ относительно ея малѣйшее оскорбленіе: она такъ свѣтла, такъ чиста!

Гарпагонъ (*въ сторону*). Шкатулка чиста!

Валеръ. Всѣ мои желанія ограничивались тѣмъ, что я глядѣлъ на нее и любовался; никакой черной мыслью я не осквернилъ того чувства, какое зажгли во мнѣ ея чудные глаза.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Чудные глаза моей шкатулки! Говоритъ о ней точно влюбленный.

Валеръ. Клавдіи извѣстно все это дѣло, и она можетъ засвидѣтельствовать...

Гарпагонъ. Что? и служанка моя замѣшана въ этой исторіи?

Валеръ. Да, она живой свидѣтель нашего сближенія, и только убѣдившись въ святости моего чувства, она помогла мнѣ увѣрить въ немъ вашу дочь и видѣла, какъ мы обмѣнялись съ ней клятвами.

Гарпагонъ (*въ сторону*). Эге! отъ страху то передъ судомъ вонъ куда завернулъ! (*Громко*). Къ чему ты приплетаешь тутъ мою дочь?

Валеръ. Я говорю, что мнѣ едва удалось убѣдить ее отвѣтить согласіемъ на мое предложеніе.

Гарпагонъ. Какое предложеніе?

Валеръ. Вчера только она рѣшилась наконецъ скрѣпить своей подписью нашъ брачный договоръ.

Гарпагонъ. Дочь моя подписала брачный договоръ съ тобою?

Валеръ. Да, и я тоже, съ своей стороны, скрѣпилъ его подписью.

Гарпагонъ. О Боже! новое несчастіе!

Жакъ (*Коммиссару*). Записывайте, сударь, записывайте!

Гарпагонъ. Какое-то нагроможденіе бѣдствій! приливъ злоключеній! (*Коммиссару*) Милостивый государь, не угодно ли вамъ исполнить свой долгъ. Я вчинаю искъ противъ него, какъ вора и совратителя.

Жакъ. Какъ вора и совратителя.

Валеръ. Я ничѣмъ не заслужилъ такихъ названій и когда узнаютъ, кто я...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Елиза, Маріанна, Фрозина.

Гарпагонъ. А! разбойница, недостойная дочь такого отца, какъ я! Такъ-то ты воспользовалась моими наставленіями? Ты позволила увлечь себя какому-нибудь негодному воришкѣ и отдала ему руку безъ моего согласія! Но вы оба обманетесь въ своихъ ожиданіяхъ. (*Елизѣ*) Порукою твоего поведенія будутъ мнѣ четыре стѣны; (*Валеру*) а ты, отчаянный плутяга, поплатишься за все здоровой висѣлицей.

Валеръ. Не въ ослѣпленіи гнѣвомъ и не вамъ придется судить это дѣло; прежде чѣмъ осудить, я надѣюсь, меня хоть выслушаютъ, по крайней мѣрѣ.

Гарпагонъ. Я ошибся, не висѣлица тебя ждетъ—живого четвертовать надо!

Елиза (*бросаясь къ ногамъ Гарпагона*). Батюшка, будьте человѣчнѣе, умоляю васъ, и не позволяйте увлекать себя чувству родительскаго гнѣва! Не дѣйствуйте подъ вліяніемъ страсти и оглянитесь на то, что вы хотите дѣлать. Вглядитесь получше въ того, кѣмъ вы такъ недовольны. Онъ со-

всѣмъ не то, чѣмъ вы его полагаете; чувства мои къ нему покажутся вамъ менѣе странными, когда вы узнаете, что безъ него меня давно не существовало-бы на свѣтѣ. Да, папа, ему я обязана спасеніемъ своимъ, когда я, помните, тонула, и вы обязаны ему жизнью той самой дочери, которая...

Гарпагонъ. Ничего не значитъ; по мнѣ лучше бы онъ оставилъ тебя тонуть тамъ, чѣмъ надѣлать теперь такихъ дѣлъ.

Елиза. Папенька, клянусь вамъ чувствами дочерней любви моей, что...

Гарпагонъ. Нѣтъ, нѣтъ; слушать ничего не хочу; пусть судъ насъ разберетъ.

Жакъ (*въ сторону*). Расплатится теперь за палочные удары!

Фрозина (*въ сторону*). Ну, ужъ и путаница!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Ансельмъ.

Ансельмъ. Что съ вами, господинъ Гарпагонъ? Вы сами не свои!

Гарпагонъ. Ахъ, г. Ансельмъ, вы видите предъ собою несчастнѣйшаго человѣка въ мірѣ; теперь вотъ и заключенный вами договоръ придется весь передѣлать! Зарѣзали, безъ ножа зарѣзали и мое достояніе, и доброе имя. Вотъ этотъ подлецъ, разбойникъ, наругался надъ всѣми самыми священными правами, втерся ко мнѣ въ домъ подъ именемъ слуги, утащилъ мои деньги и подцѣпилъ у меня дочь.

Валеръ. Кому нужны ваши деньги? Что вы несете за чушь?

Гарпагонъ. Да, они дали другъ другу слово. Это оскорбленіе касается васъ, г. Ансельмъ, и вы должны раздѣлаться съ нимъ, притянувъ его къ суду, чтобы наказать такую дерзость.

Ансельмъ. Я вовсе не имѣлъ намѣренія насильно жениться и овладѣть сердцемъ, которое обѣщано уже другому; но за ваше дѣло я готовъ вступиться, какъ за свое собственное.

Гарпагонъ. Этотъ господинъ—добросовѣстный коммисаръ и обѣщалъ не упустить ничего, что могло-бы быть сдѣлано по этому дѣлу. (*Коммиссару, указывая на Валера*) Постарайтесь обвинить его получше, какъ совершившаго самое тяжкое преступленіе.

Валеръ. Не вижу, какое преступленіе можетъ заключаться въ томъ, что я люблю вашу дочь; висѣлица, къ которой, вы полагаете, я буду приговоренъ за это, когда будетъ извѣстно, кто я...

Гарпагонъ. Знаемъ мы эти сказки: нынче вездѣ полно этихъ благородныхъ воришекъ, наглецовъ, которые любятъ ловить рыбку въ мутной водѣ и нахально прикрываютъ свои продѣлки первымъ громкимъ именемъ, которое удастся имъ услышать.

Валеръ. Знайте-же, что я слишкомъ честенъ, чтобы рядиться въ то, что мнѣ не принадлежитъ: весь Неаполь можетъ подтвердить мое происхожденіе.

Ансельмъ. Чудесно! Будьте осторожнѣе однако съ своими словами. Вы рискуете болѣе, чѣмъ полагаете: вы говорите передъ человѣкомъ, который хорошо знаетъ весь Неаполь и который хорошо можетъ опредѣлить всю цѣну вашего разсказа.

Валеръ (*гордо надѣвая шляпу*). Я никого не боюсь; если Неаполь вамъ хорошо извѣстенъ, то вы должны знать, кто такой донъ-Томасъ-д'Альбурчи.

Ансельмъ. Конечно, знаю; даже мало кто зналъ его такъ хорошо, какъ я.

Гарпагонъ. Какое мнѣ дѣло до вашего донъ-Томаса или донъ-Мартина! (*Видя двѣ горящія свѣчи, задуваетъ одну изъ нихъ*).

Ансельмъ. Пожалуйста, пусть онъ продолжаетъ разсказъ; увидимъ, чего онъ хочетъ.

Валеръ. Я хочу сказать, что это—мой отецъ.

Ансельмъ. Вашъ отецъ?

Валеръ. Да.

Ансельмъ. Подите; шутите. Придумайте какую-нибудь другую исторію, которая могла-бы вамъ болѣе пригодиться, а эта ложь не спасетъ васъ

Валеръ. Я бы просилъ васъ поосторожнѣе выражаться. Это совсѣмъ не ложь—я могу подтвердить справедливость моихъ словъ.

Ансельмъ. Что такое? вы осмѣлитесь утверждать, что вы—сынъ дона-Томаса-д'Альбурчи?

Валеръ. Да, я смѣло это повторяю и готовъ отстаивать истину моихъ словъ передъ кѣмъ угодно!

Ансельмъ. Неслыханная дерзость! Знайте-же, и пусть хоть это смутитъ вашу самоувѣренность, что человѣкъ, о которомъ вы говорите, болѣе 16-ти лѣтъ тому назадъ, погибъ на морѣ съ своими дѣтьми и женой, желая спасти ихъ отъ жестокихъ преслѣдованій, которыми сопровождались безпорядки въ Неаполѣ и которыя заставили бѣжать оттуда много знатныхъ семействъ.

Валеръ. Да, но узнайте же и вы, къ своему смущенію, что его сынъ, семи лѣтъ, съ слугою, былъ спасенъ, во время кораблекрушенія, однимъ испанскимъ кораблемъ, и что этотъ спасенный сынъ—теперь передъ вами. Узнайте, что капитанъ этого корабля, тронутый моимъ положеніемъ, принялъ во мнѣ участіе и полюбилъ меня; онъ воспиталъ меня, какъ родного сына, и съ раннихъ лѣтъ научилъ меня владѣть оружіемъ. Отъ него то я узналъ впослѣдствіи, что мой отецъ не умеръ, какъ я полагалъ всегда. Отправившись на поиски его, я прибылъ сюда и, по волѣ неба, одно приключеніе дало мнѣ возможность увидѣть прелестную Елизу; увидѣлъ я ее и полюбилъ; строгость отца побудила затѣмъ меня обманнымъ образомъ проникнуть въ этотъ домъ, а отыскивать моихъ родителей я послалъ другое лицо.

Ансельмъ. Но чѣмъ же, кромѣ словъ, можете вы под-

твердить все это, чтобы мы могли быть увѣрены, что это не новая басня, построенная на истинномъ событіи.

Валеръ. Показаніями капитана-испанца; кромѣ того, вотъ вамъ рубиновая печать, принадлежавшая моему отцу, браслетъ съ агатомъ, который мать моя надѣла мнѣ на руку; наконецъ, приведу стараго Педро, слугу, спасшагося вмѣстѣ со мною отъ кораблекрушенія.

Маріанна. Увы! лично мнѣ ваши слова представляются вполнѣ убѣдительными; изъ всего сказаннаго вами я ясно вижу, что вы мой братъ.

Валеръ. Вы—сестра моя?

Маріанна. Да. Какъ только вы начали говорить, я не могла преодолѣть волненія; наша маменька, которую вы приведете въ восторгъ своимъ возвращеніемъ, много разъ разсказывала мнѣ о нашихъ семейныхъ несчастіяхъ. Небо не дало намъ всѣмъ погибнуть во время этого насчастнаго крушенія, но мы спасли свою жизнь съ тѣмъ, чтобы потерять свободу: на обломкахъ нашего корабля, маменька и я, мы были взяты морскими разбойниками. Послѣ десятилѣтняго рабства, благодаря счастливой случайности, мы получили свободу и возвратились въ Неаполь, гдѣ узнали, что все наше имущество продано, а объ отцѣ не было никакихъ извѣстій. Мы переѣхали въ Генуя, гдѣ мать успѣла собрать кое-какіе остатки расхищеннаго наслѣдства; затѣмъ, спасаясь отъ варварской несправедливости своихъ родныхъ, она пріѣхала сюда, гдѣ едва влачитъ грустное существованіе.

Ансельмъ. О небо! велико всемогущество Божіе и по истинѣ чудесны дѣла Твои! Обнимите меня, дѣти мои, и соединимся въ общей радости!

Валеръ. Вы нашъ отецъ?

Маріанна. Такъ васъ то маменька такъ долго оплакивала?

Ансельмъ. Да, дочь моя; да, сынъ мой: я — донъ-Томасъ-д'Альбурчи, спасенный Небомъ отъ волнъ со всѣми деньгами, какія были при мнѣ; считая всѣхъ васъ погиб-

шими въ теченіе 16 лѣтъ, я готовился-было, послѣ долгаго путешествія, найти утѣшеніе въ союзѣ съ доброй и умной особой, попытаться устроить себѣ новую семью. Неаполь, въ которомъ самая жизнь не была достаточно обезпечена, я намѣревался навсегда покинуть; мнѣ удалось распродать тамъ все, что я имѣлъ, и я свыкся уже съ здѣшнимъ городомъ и, подъ именемъ Ансельма, хотѣлъ избѣгнуть тѣхъ огорченій, которыя связаны были съ моимъ настоящимъ именемъ, давшимъ мнѣ немало горя.

Гарпагонъ. (*Ансельму*). Такъ это вашъ сынъ?

Ансельмъ Да.

Гарпагонъ. Ловлю на словѣ: извольте уплатить мнѣ десять тысячъ экю, которыя онъ у меня укралъ.

Ансельмъ. Онъ у васъ укралъ?

Гарпагонъ. Точно такъ.

Валеръ. Кто вамъ это сказалъ?

Гарпагонъ. Жакъ.

Валеръ (*Жаку*). Ты это сказалъ?

Жакъ. Вы же видите, что я ничего не говорю.

Гарпагонъ. Сказалъ. Вотъ г. коммиссаръ и записалъ его показанія.

Валеръ. Неужели вы могли счесть меня способнымъ на такой подлый поступокъ?

Гарпагонъ. Способный тамъ или неспособный,—подавай мои денежки!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Клеантъ, Лафлешъ.

Клеантъ. Не волнуйтесь, папенька, и не обвиняйте никого. Я открылъ кое-что новенькое по вашему дѣлу, и теперь объявляю вамъ, что если вы позволите мнѣ жениться на Маріаннѣ, ваши деньги будутъ вамъ возвращены сполна.

Гарпагонъ. Гдѣ онѣ?

Клеантъ. О нихъ не безпокойтесь. Онѣ въ вѣрномъ мѣстечкѣ, я за нихъ отвѣчаю, а отъ меня тутъ все зави-

ситъ. Скажите же ваше рѣшеніе: отдаете мнѣ Маріанну или пусть пропадаетъ шкатулка?

Гарпагонъ. А все въ ней цѣло?

Клеантъ. Все, какъ есть. Что же, угодно вамъ скрѣпить нашъ брачный договоръ вашей подписью и присоединиться къ согласію ея матушки, которая предоставила ей самой избрать изъ двухъ насъ, кого угодно.

Маріанна (*Клеанту*). Но вы не знаете еще, что одного этого согласія теперь уже недостаточно: вмѣстѣ съ братомъ, котораго вы видите (*указываетъ Валера*), Провидѣніе возвратило мнѣ и отца (*указываетъ на Ансельма*), согласіе котораго вамъ необходимо теперь получить.

Ансельмъ. Дѣти мои, Господь вернулъ меня вамъ не съ тѣмъ же, чтобы я шелъ противъ вашихъ желаній. Г. Гарпагонъ, вы хорошо понимаете, что выборъ молодой дѣвушки скорѣе остановится на сынѣ, чѣмъ на отцѣ. Нечего же и толковать объ этомъ. Благословимъ эти обѣ парочки.

Гарпагонъ. Прежде чѣмъ давать совѣты, я желаю, чтобы мнѣ отдали мою шкатулку.

Клеантъ. Получите ее въ цѣлости и сохранности.

Гарпагонъ. Я не могу дать моимъ дѣтямъ на свадьбу ни гроша.

Ансельмъ. У меня хватитъ и на нихъ—объ этомъ не безпокойтесь.

Гарпагонъ. Вы принимаете на себя всѣ расходы по этимъ двумъ свадьбамъ?

Ансельмъ. Принимаю. Теперь вы довольны?

Гарпагонъ. Да, но на свадьбу необходимо, чтобы вы сдѣлали и мнѣ новое платье.

Ансельмъ. Согласенъ. Теперь пойдемъ и всѣ вмѣстѣ отпразднуемъ этотъ счастливый для всѣхъ насъ день.

Коммиссаръ. Эй! эй! господа. Потише, не спѣшите. А кто же мнѣ заплатитъ за труды?

Гарпагонъ. На что намъ ваши труды?

Bayerische Staatsbibliothek München

Коммиссаръ. Да, но я не могу-же вѣдь трудиться даромъ.

Гарпагонъ (*указывая на Жака*). Вмѣсто платы, возьмите его и повѣсьте.

Жакъ. Увы! не знаю теперь, что и дѣлать! Скажешь правду—отколотятъ палкой, а за ложь хотятъ вѣшать.

Ансельмъ. Г. Гарпагонъ, на радостяхъ, слѣдуетъ и его простить

Гарпагонъ Вы заплатите, значитъ, и коммиссару?

Ансельмъ. Хорошо. Пойдемъ теперь скорѣе порадовать вашу матушку.

Гарпагонъ. А я—погляжу на свою дорогую шкатулочку.

III. ПЛЮШКИНЪ.

(Мертвыя Души, поэма *Н. В. Гоголя*, ч. 1-я, гл. VI).

....Чичикову хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи... Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика...

„Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину?...“

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

„Что-жъ, не знаешь?“

„Нѣтъ, баринъ, не знаю.“

„Эхъ ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрягу Плюшкина не знаешь—того, что плохо кормитъ людей?“

„А! заплатанной, заплатанной!“ вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ уже давно пропалъ изъ виду и много уѣхали впередъ, все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ.

. . . .

Покамѣсть Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это порядочный толчекъ, произведенный бревенчатою мостовою, передъ которой городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепіанныя клавиши, подымались то вверхъ,

то внизъ, и не оберегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней незачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ,—словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ, дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго: цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ, то справа, то слѣва, по мѣрѣ того какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой—опустѣвшая деревянная и каменная съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, грянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный за́мокъ, длинный, длинный неимовѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеи-

ливали мѣстами нагую штукатурную рѣшотку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій книзу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали не освѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, душистый, дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшійся изъ-за ивы, изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена,

протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній, — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину—ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ

распознать, какого пола была фигура — баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. „Ой, баба!“ подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: „Ой, нѣтъ“!—„Конечно, баба!“ наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковину, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

„Послушай, матушка“, сказалъ онъ, выходя изъ брички: „что баринъ?“...

„Нѣтъ дома“, прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: „А что вамъ нужно?“

„Есть дѣло“.

„Идите въ комнаты!“ сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ

фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикою, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и не достойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, что въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ.

Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижнею частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

„Что жъ баринъ? У себя, что ли?"

„Здѣсь хозяинъ", сказалъ ключникъ.

„Гдѣ же?" повторилъ Чичиковъ.

„Что, батюшка, слѣпы-то, что ли?" сказалъ ключникъ. „Эхва! А вить хозяинъ-то я!"

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть немало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать, но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, настороҗа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ; рукава и верхнія полы до того засалились и залосни-

лись, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болтались четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего надо сказать, что сердце у него было сострадательное, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но передъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной. Заглянулъ бы кто нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны̀, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, буракъ изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостки, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему:

старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ былъ только бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда

къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними часть мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого, кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по старинному предубѣжденію, будто бы всѣ военные—картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глу-

боки, мелѣли ежеминутно и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ, притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросали его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ обратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего нибудь получить: видно походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привле-

кательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однакоже ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть было не только совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ; дворцами глядятъ его бѣлые, каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей зелени, а вверху темнѣе и суровѣе и въ двадцать разъ грознѣе является черезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суро-

вые вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добродѣтель* и *рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія* и *порядокъ*; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы— ибо зубовъ не было,—что именно неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: „А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!“ Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: „Прошу покорнѣйше садиться“.

„Я давненько не вижу гостей“, сказалъ онъ, „да признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь“.

„Вонъ оно какъ“! подумалъ про себя Чичиковъ: „хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ ватрушку да ломоть бараньяго бока“.

„И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!“ продолжалъ Плюшкинъ. „Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!“

„Мнѣ однако же сказывали“, скромно замѣтилъ Чичиковъ: „что у васъ болѣе тысячи душъ“.

„А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали тому въ глаза, кто это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а поди-тка посчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ“.

„Скажите, и много выморила? воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

„Да, снесли многихъ“.

„А позвольте узнать: сколько числомъ“?

„Душъ восемьдесятъ“.

„Нѣтъ“?

„Не стану лгать, батюшка“.

„Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?“

„Это бы еще слава Богу“, сказалъ Плюшкинъ: „да лихъ то, что съ того времени, до ста двадцати наберется“.

„Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать?“ воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

„Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!“ сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ почти радостнымъ восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

„Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь“, сказалъ Плюшкинъ. „Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говоритъ — родственникъ.

„Дядюшка, дядюшка“! и въ руку цѣлуетъ; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ“!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: „Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ“?

„Нѣтъ“, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: „служилъ по статской“.

„По статской?“ повторилъ Плюшкинъ, и сталъ жевать зубами, какъ будто что нибудь кушалъ. „Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ то въ убытокъ?“

„Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ“.

„Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой!“ вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма не картинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. „Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!“ Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, также мгновенно прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

„Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?“

„Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы онѣ были живыя и какъ бы вы ихъ мнѣ продали“.

„Да, купчую крѣпость“... сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. „Вѣдь вотъ купчую крѣпость—все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему какъ нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь“.

„Ну, ты, я думаю, устоишь!“ подумалъ про себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: „Эй, Прошка!“ Черезъ минуту было слышно, что кто то въ попыхахъ вбѣжалъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно было узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги.

которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окна въ осеннее время, и особенно когда по утрамъ начинаются маленькіе изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

„Вотъ, посмотрите, батюшка, какая рожа!“ сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ въ лицо Прошки. „Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего?“ Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ также молчаніемъ. „Поставь самоваръ—слышишь?— да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина! Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарь то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую, не то—я тебя, знаешь? березовымъ то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть.“ — „Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять“, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: „вѣдь чортъ его знаетъ! можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ,

чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ." А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что-де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: „вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ?" Чичиковъ увидѣлъ въ рукакъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. „Еще покойница дѣлала", продолжалъ Плюшкинъ, „мошенница ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Казявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку".

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже пилъ и ѣлъ.

„Пили уже и ѣли!" сказалъ Плюшкинъ. „Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: „Дядюшка", говоритъ, „дайте чего нибудь поѣсть"! А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть".—Плюшкинъ надѣлъ очки и началъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ

мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

„Въ городъ? Да какъ же?... А домъ то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ — или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить“.

„Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго“?

„Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!“ вскричалъ онъ. „Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазали! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!.... Такъ ужъ не къ нему ли написать“?

„И конечно, къ нему“.

„Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели“.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось—не чувство, а какое то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки—появленіе было послѣднее. Глухо все и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе.

„Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги“, сказалъ онъ: „да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!“—Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на

столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: „Мавра, а Мавра“! На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

„Куда ты дѣла, разбойница, бумагу“?

„Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку“.

„А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила“.

„Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю“.

„Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла“.

„Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!“

„Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками. Вотъ посмотришь, какъ припекутъ“!

„Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ“.

„А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: „А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!“ да горячими-то тебя и припекутъ!“

„А я скажу: не за что! ей Богу, не за что: не брала я... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!“

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: „Ну, что жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчку; сало—дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку“!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресло и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку,

придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: „здѣсь погребенъ человѣкъ", но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

„А не знаете ли вы какого нибудь вашего пріятеля", сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо: „которому-бы понадобились бѣглыя души"?

„А у васъ есть и бѣглыя", быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

„Въ томъ то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный, мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ"...

„А сколько ихъ будетъ числомъ"?

„Да десятковъ до семи тоже наберется".

„Нѣтъ?"

„А ей Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ при-

вычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ".

„Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ", сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ ужъ дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить".

„А сколько бы вы дали"? спросилъ Плюшкинъ и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

„Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу".

„А какъ вы покупаете—на чистыя"?

„Да, сейчасъ деньги".

„Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ".

„Почтеннѣйшій"! сказалъ Чичиковъ: „не только по сорока копѣекъ, по пяти сотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ, потому что вижу — почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія".

„А, ей Богу, такъ! Ей Богу, правда"! сказалъ Плюшкинъ, повѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее: „все отъ добродушія".

„Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему же не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ".

„Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣечки пристегните".

„По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили — семьдесятъ“?

„Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь“.

„Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ...“ Здѣсь герой нашъ, одну секунду не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ: „это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ!“ Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

„А что, вы ужъ собираетесь ѣхать?“ сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ незачѣмъ болѣе мѣшкать. „Да, мнѣ пора!“ произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

„А чайку́?“

„Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда нибудь въ другое время.“

„Какъ же, а я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка, не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ!

А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!“

За симъ это странное явленіе, этотъ съежившійся старикашка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. „Я ему подарю“,—подумалъ онъ про себя,—„карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то чтобы какіе нибудь томпаковые, или бронзовые,—немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ“, — прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,—„лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ“.

IV. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The caveteous Knigth.

А. С. Пушкина.

1830.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(ВЪ БАШНѢ)

Альберъ и Иванъ.

Альберъ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ!
(Иванъ подаетъ ему шлемъ).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ.

И вы ему порядкомъ отплатили,
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ ли
Оправился.

Альберъ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ:
Его нагрудникъ цѣлъ венеціанскій,
А грудь своя гроша ему не стоитъ—
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!

А спялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ...
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно;
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой ударъ—
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей, и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было?—Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдого,
Недорого и просятъ за него.

Иванъ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ.

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

Альберъ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ!

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что жъ онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жмется.

Альберъ.

Да ты-бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ, какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всему наслѣдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альберъ.

Что-жъ?

Иванъ.

Жмется да кряхтитъ.

Альберъ.

Какое горе!

Иванъ.

Онъ самъ хотѣлъ прійти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его. (*Стучатъ въ дверь*).
Кто тамъ? (*Входитъ жидъ*).

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

Альберъ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ?

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы.... право, не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать....

Альберъ.

Разбойникъ!
Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай,
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать!

Жидъ.

Клянусь вамъ....

Альберъ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!

Что дамъ тебѣ въ закладъ?—свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ.
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей,
Какъ талисманъ, оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

Жидъ.

Деньги!—Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,

Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ, и самъ имъ служитъ.
И какъ же служитъ! какъ алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленой конурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда-нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.....

Жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство!

Альберъ.

Amen!

Жидъ.

А можно-бъ...

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть....

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ—
Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ.

Ростовщикъ
Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта не замѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

Жидъ.

Да —
И ядомъ.

Альберъ.

Что-жъ? Въ займы, на мѣсто денегъ,
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ ли, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
Да знаешь-ли, жидовская душа,

Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ-же
На воротахъ повѣшу!

Жидъ.

Виноватъ!
Простите, я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку!

Жидъ.

Я… я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ!

(*Жидъ уходитъ*).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца родного скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу… Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны… Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу… Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого… Иль нѣтъ, постой—
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его…
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать, какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(подвалъ).

Баронъ.

....Я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Немного кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою,

*

И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (*Смотритъ на свое золото*).
Кажется, немного,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный.... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ-бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ-быть,
Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ-бы вновь потопъ—я захлебнулся-бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(*Хочетъ отперетъ сундукъ*).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.
(*Отпираетъ сундукъ*).

Вотъ мое блаженство! (*Всыпаетъ деньги*)
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ*).

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.

Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если-бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(во дворцѣ).

Альберъ, Герцогъ.

Альберъ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда-бъ не крайность,
Вы-бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я вѣрю, вѣрю; благородный рыцарь,
Таковъ, какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. (*Смотритъ въ окно*) Это кто?
Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ—онъ, государь.

Герцогъ.

Подите-жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(*Альберъ уходитъ; входитъ баронъ*).
Баронъ,
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, государь?
Я, какъ теперь, васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
Предъ вами, то есть....

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, государь, я нынче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, государь,
Я согласиться не могу на это....

Герцогъ.

Но почему-жъ?

Баронъ.

Увольте старика....

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, герцогъ....

Герцогъ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да.... стыдно....

Герцогъ.

Но что-же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.
(Альберъ бросается въ комнату).

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ *(сыну)*.

Какъ смѣли вы?...

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу? и передъ нашимъ государемъ?...
Мнѣ, мнѣ.... иль ужъ не рыцарь я?...

Альберъ.

Вы—лжецъ!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми-жъ, и мечъ насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку; сынъ поспѣшно ее подымаетъ).

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Герцогъ.

Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ!—полно. (*Сыну*) Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку. (*Отнимаетъ ее*)

Альберъ (*въ сторону*).

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (*Альберъ выходитъ*).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно-ль вамъ?...

Баронъ.

Простите, государь...
Стоять я не могу.... мои колѣна
Слабѣютъ.... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

1830 г.

V. Характеристики Θеофраста.

Переводъ В. А. Алексѣева.

X. Скупой.

Скупой—чрезмѣрная бережливость въ расходахъ.

Еще до конца мѣсяца, скупой лично явится къ тебѣ на квартиру за пол-оболомъ [1]) процента. За пирушкой въ складчину онъ считаетъ, сколько кто выпилъ стакановъ, и изъ всѣхъ гостей совершаетъ Артемидѣ [2]) самое скудное возліяніе. Ты купилъ ему все дешево,—онъ при разсчетѣ находитъ всѣ цѣны невѣроятно высокими. Расколотитъ его прислуга горшокъ или миску, — онъ вычтетъ ей изъ жалованья ихъ стоимость; уронитъ его жена три халка,—передвигаетъ всю мебель, кровати, шкафы, трясетъ одѣяла; сбываетъ пожитки,—старается продать ихъ безъ выгоды для покупателя. Въ своемъ саду онъ не дастъ съѣсть ни одной смоквы, не позволитъ пройти черезъ его поле, поднять съ земли оливку или финикъ. Въ случаѣ просрочки платежа, онъ взыщетъ и неустойку, и проценты на проценты. Угощая своихъ демотовъ [3]),—подаетъ говядину, разрѣзанную на ку-

---

[1]) Монетною единицею у грековъ былъ талантъ=1473½ р.; въ талантѣ 60 минъ (24½ р.), въ минѣ 100 драхмъ (24½ к.), въ драхмѣ—6 оболовъ (4 к.), въ оболѣ—8 халковъ (½ к.), въ халкѣ—7 лептъ.

[2]) Артемида-Діана, дочь Зевса и сестра Аполлона, богиня свѣта и жизни; возліянія, совершавшіяся въ честь ея на пирахъ, объясняются тѣмъ, что она считалась богиней-кормилицей людей и покровительницей стадъ.

[3]) Граждане Аттики, со временъ Клисθена, раздѣлялись на демы, по числу селеній, причемъ каждые 10 демъ составляли филу. Отдѣльные члены дема связаны были между собой общими свящ. обрядами, у нихъ были общинныя владѣнія, доходы и расходы. Демотъ—членъ такого дема, т. е. ближайшій землякъ.

сочки; отправляется за провизiей,—воротится съ пустыми руками. Боже упаси его женѣ дать взаймы соли, свѣтильни, тмину, маiорану, ячменю для жертвы, повязку или жертвенныхъ лепешекъ,—подобныя мелочи, говоритъ онъ, за годъ обходятся недешево... Денежные сундуки скупыхъ покрыты обыкновенно плѣсенью, ключи—ржавчиной. Ходятъ они въ гиматiяхъ [1]) короче колѣнъ, мажутся масломъ изъ крошечнаго пузырька, стригутся подъ гребенку, въ полдень бродятъ босикомъ. Сукновалу они строго-на-строго наказываютъ разводить для ихъ гиматiя больше мѣлу, чтобы онъ дольше не марался.

XXII. Скряга.

Скряжничество — совершенное забвенiе чести тамъ, гдѣ приходится тряхнуть мошной.

Одержитъ скряга побѣду въ трагическомъ состязанiи— онъ посвятитъ Дiонизу деревянный вѣнокъ съ вырѣзаннымъ на немъ своимъ именемъ. Вносится въ Народномъ Собранiи предложенiе о добровольномъ пожертвованiи на государственныя нужды, — онъ отмалчивается, или встанетъ и уйдетъ прочь. Выдаетъ онъ замужъ свою дочь,—онъ продаетъ жертвенное мясо, кромѣ необходимаго для жертвы; прислугу для брачнаго пира найметъ на ея харчахъ. Командуетъ онъ трiерой [2]),—онъ стелетъ для себя на палубѣ тюфякъ кормчаго, свой откладываетъ въ сторону. Въ праздникъ Музъ онъ не отпуститъ дѣтей въ школу подъ предлогомъ болѣзни: онъ боится, какъ-бы тамъ не затѣяли складчины. Купитъ онъ провизiю, и самъ несетъ ее съ рынка, говядину въ рукѣ, зелень за пазухой. Отдалъ онъ гиматiй въ стирку,—сидитъ дома. Завидитъ онъ прiятеля, сбирающаго деньги съ благотворительною цѣлью и разговаривавшаго съ нимъ объ этомъ,—

---

[1]) Большой четыреугольный кусокъ матерiи, носившiйся поверхъ хитона, т. е. нижней одежды.

[2]) Небольшое военное судно.

онъ свернетъ съ дороги и воротится во-свояси окольными путями. Онъ взялъ жену съ приданымъ, но не покупаетъ ей рабыни, а нанимаетъ для сопровожденія ея на прогулкѣ маленькую дѣвочку. Онъ ставитъ на башмаки новыя подметки и увѣряетъ, будто онѣ крѣпки, словно рогъ. Утромъ онъ самъ вымететъ комнату и вытрясетъ перину. Садится,— онъ подстилаетъ свой трибонъ [1]).

XXX. Алтынникъ.

Алтынничество — отталкивающее по своимъ дѣйствіямъ стремленіе къ наживѣ.

За пиромъ алтынникъ приказываетъ подавать меньше хлѣба. Останавливается у него знакомый,—онъ займетъ у него денегъ, рѣжетъ кушанья на порціи, напоминаетъ, что ему, какъ распорядителю, слѣдуетъ двойная доля, и тотчасъ возьметъ ее себѣ. Торгуетъ онъ виномъ,—онъ даже пріятелю продастъ его разбавленнымъ. Въ театръ онъ отправляется съ сыновьями тогда, когда смотрителя впускаютъ публику даромъ. Уѣзжаетъ онъ на казенный счетъ,—онъ оставитъ прогонныя деньги дома и возьметъ въ долгъ у попутчиковъ. На сопровождающаго его раба онъ навьючитъ больше, нежели тотъ въ состояніи снести, кормитъ его хуже другихъ. Онъ потребуетъ свою часть въ посольскомъ подаркѣ и сбудетъ ее. Мажется онъ въ банѣ,—скажетъ рабу: „ты, братецъ, купилъ прогорклаго масла“, и принимается мазаться чужимъ. Поднимаютъ его рабы на улицѣ нѣсколько халковъ,—онъ спроситъ у нихъ свою долю со словами: чуръ пополамъ! Отдастъ онъ въ стирку свой гиматій,—онъ надѣнетъ чужой и протаскаетъ нѣсколько дней, пока его не потребуютъ обратно, и т. п. Домашнимъ онъ мѣритъ муку мѣрой жидомора, со вдавленнымъ дномъ, причемъ тщательно скоблитъ ее. Спускаетъ его другъ свои вещи за полцѣны,—онъ тай-

[1]) Трибонъ—болѣе короткій верхній плащъ спартанскаго образца.

комъ дешево купитъ ихъ и затѣмъ перепродаетъ съ барышемъ. Платитъ онъ долгъ въ тридцать минъ,—онъ выгадаетъ и четыре драхмы. Не ходятъ его дѣти по болѣзни въ школу цѣлый мѣсяцъ,—онъ дѣлаетъ соотвѣтствующіе вычеты изъ ихъ школьныхъ денегъ, въ Антестеріонѣ-же мѣсяцѣ [1]) онъ вовсе не посылаетъ ихъ на занятія,—въ немъ „много праздниковъ", —чтобы не вносить платы за ученіе. Получаетъ онъ съ раба халкъ оброку за отпускъ его на работу,—онъ беретъ халкъ [2]); то-же продѣлываетъ онъ и при разсчетѣ съ управляющимъ. Устраиваетъ онъ обѣдъ для членовъ своей фратріи [3]), — онъ кормитъ кушаньями съ общаго стола и своихъ рабовъ, записываетъ, сколько осталось отъ обѣда полусглоданныхъ ломтиковъ рѣдьки: неравно ихъ съѣстъ его челядь. Ѣдетъ онъ за городъ съ знакомыми,—онъ пользуется услугами ихъ рабовъ, своего—отдаетъ въ наймы, но заработка его въ дорожную кассу не вноситъ. Затѣваютъ у него пирушку въ складчину,—онъ припрячетъ кое-что въ сторонку изъ доставленныхъ ему дровъ, чечевицы, уксусу, соли и ламповаго масла. Женится его пріятель или выдаетъ замужъ дочь,—заблаговременно уѣдетъ, только-бы не одаривать новобрачныхъ. У сосѣда онъ возьметъ въ одолженье такія вещи, которыя не потребуютъ обратно или постѣснятся взять при отдачѣ.

Библіотека ... Инвент.

---

[1]) 8-й мѣсяцъ Аттическаго года, соотвѣтствующій второй половинѣ нашего февраля и первой—марта.

[2]) За размѣнъ у мѣнялы. Рабъ отдаетъ оброкъ крупною монетой.

Прим. перев.

[3]) По племенамъ, греки раздѣлялись на филы, изъ которыхъ каждая состояла изъ трехъ фратрій; послѣдняя заключала въ себѣ 30 родовъ; а каждый родъ, среднимъ числомъ, до 30 семей. Со временъ Клисѳена, вмѣсто фратрій, возникаетъ дѣленіе на демы. *См. прим. 3 къ X характ.*

Bayerische Staatsbibliothek München

10-
Л. 13966
31531
88602
115461.
D5 2

6 34121/с
ПР.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
И. ГЛАЗУНОВА
Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ,

ПРОДАЮТСЯ И РАНѢЕ ВЫШЕДШІЕ ВЫПУСКИ
РУССКОЙ КЛАССНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Вып. I-й. Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Ц. 30 к.

Вып. II-й. Домострой Сильвестровскаго извода. Текстъ памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія (образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западно-европейскихъ), объяснительныя статьи и словарь. Ц. 45 к.

Вып. III-й. Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи. Тексты басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго и др. въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Ц. 40 к.

Вып. IV-й. Григорій Котошихинъ. Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторія памятника, біографія автора. Ц. 30 к.

Вып. V-й. Баллады В. А. Жуковскаго. Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Ц. 65 к.

Вып. VI-й. А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критическіе отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, „Мильонъ терзаній", критич. этюдъ И. А. Гончарова. Ц. 45 к.

Вып. VII-й, Д. И. Фонъ-Визинъ. Избранныя сочиненія. Недоросль.—Бригадиръ.—Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи. Ц. 50 к.

Вып. VIII-й. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Часть первая. Повѣсти.—Разсужденія.—Стихотворенія. Ц. 55 к.

Вып. IX-й. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Часть вторая. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Ц. 60 к.

Вып. X-й. М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія. — Прозаическія статьи. — Матеріалы для изученія его сочиненій. Ц. 35 к.

Вып. XI-й. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Ц. 40 к.

Вып. XII-й. Кн. А. Д. Кантемиръ. Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Ц. 40 к.

Вып. XIII-й. Былины. Былины про старшихъ богатырей.—Былины кіевскаго и новгородскаго цикловъ.—Духовные стихи.—Историческія пѣсни.—Восемь объяснительныхъ статей. Ц. 50 к.

Вып. XIV. А. П. Сумароковъ. Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Ц. 50 к.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Tipy skupogo v proizvedenijach literatury russkoj i inostrannych Kubyška, kom. Plavta ; Skupoj, kom. Mol'era ; Pljuškin Gogolja ; Skupoj rycar' Puš kina ; Tri charakteristiki Feofrasta ; Russkija poslovicy o skuposti. Izd. I. Glazunova

S.-Peterburg 1893

H.lit.p. 612 v-15
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11618788-8